

Уважаемые читатели!

История нашей страны – это история воинской славы, беззаветной отваги и мужества воинов, в боях с врагами сохранивших целостность и величие Родины.

Великая Отечественная война стала главным экзаменом для нескольких поколений наших соотечественников, экзаменом на мужество, стойкость, патриотизм. Это испытание наш народ с честью выдержал, отстоял свободу и независимость страны, сохранил жизнь следующим поколениям.

Семь десятилетий страна живет под мирным небом, и все это время память о Великой войне и Великой Победе – в основе нашего менталитета, российского национального характера. Героев Великой Отечественной не разделить на национальности, вероисповедания, между ними нет социальных и территориальных границ, в их единстве – главный секрет Великой Победы.

Пока будет жива память о героях, защищавших Родину – будет жив народ, будет сильной страна. Сохранение памяти – долг поколений, которые пришли на смену ушедшим бойцам.

В каждой нашей семье есть свои герои, проявившие чудеса

мужества и отваги в Великой Отечественной войне. Сейчас это немолодые люди, которым необходима наша забота и любовь. В их памяти, порой, нечетко сохранились страницы той войны, в которую они вошли молодыми, полными сил, такими, как сегодняшние студенты. Они мечтали учиться, работать, любить, растить детей, но главной страницей их жизни стала война: гибель боевых товарищей, кровь, разрушения, военные будни и счастливый май 1945 года. Они и сейчас еще идут в атаку, смотря военные фильмы, слушая песни того времени, и вспоминают войну без прикрас, без купюр, составляя правдивую историю Великой Отечественной.

В Казанском государственном архитектурно-строительном университете ветераны войны – самые дорогие гости, они встречаются со студентами и преподавателями, участвуют в конференциях, вечерах памяти, праздниках.

В университете в течение 10 лет работает поисковый патристический проект «Факел». Студенты под руководством преподавателей кафедры истории и культурологии собирают воспоминаний ветеранов войны – родственников и земляков, рассказы об ушедших героях, фронтовые письма, документы, фотографии. По итогам этой работы в 2010 г. в канун 65-й годовщины Великой Победы была выпущена в свет первая книга воспоминаний ветеранов – «Этот день мы приближали, как могли!», в которую вошли 42 рассказа ветеранов – жителей республики.

Работа продолжается, в электронной базе данных кафедры истории и культурологии – почти сотня анкет ветеранов войны, записи их рассказов, идет активный поиск новых имен.

Сейчас перед вами вторая книга воспоминаний ветеранов – «Когда мы были на войне», в которой объединены рассказы участников и эссе о них, составленные детьми и внуками ушедших героев. Мы надеемся, что эта книга станет дорогим подарком для уважаемых ветеранов, их семей и близких. Пока «Факел» горит – никто не забыт!

Ректор Казанского государственного архитектурно-строительного университета, профессор
Р.К. Низамов

Уважаемые читатели!

Несколько лет назад в Казанском государственном архитектурно-строительном университете по инициативе студентов был создан поисковый проект «Факел», задача которого найти, записать и подготовить к публикации рассказы ветеранов Великой Отечественной войны. Во время войны сегодняшние ветераны были совсем молодыми, такими же, как студенты – участники проекта. Они хотели работать, учиться, дружить, любить. Все эти планы перечеркнула война – они ушли на фронт защищать Родину, семью, дом.

Ветеранам тяжело вспоминать войну: огонь сражений, павших товарищей, разрушенные города, убитых стариков и детей. Однако они вспоминают, рассказывают о самом сокровенном, для того, чтобы войны больше не было, чтобы не повторилось то, что пришлось испытать им – солдатам Великой Отечественной.

В 2010 году вышла из печати первая книга воспоминаний «Этот день мы приближали, как могли!», в которую вошли 42 очерка о героях Великой Отечественной войны. Эту книгу очень ждали ветераны, их родственники, студенты и преподаватели – участники

проекта «Факел». Она стала желанным подарком к празднику – 65-й годовщине Великой Победы.

Проект получил продолжение: студенты встречались с ветеранами, записывали их рассказы, собирали документальные свидетельства: письма, фотографии, вещи военного времени. В результате были собраны материалы для второго тома воспоминаний «Когда мы были на войне», который объединил 33 очерка воспоминаний героев и воспоминаний о них, написанные родственниками, а также студентами-поисковиками.

Книга воспоминаний – это не только память о войне, это дань современных поколений героизму и мужеству советских воинов, победивших в страшной войне, давших шанс родиться и жить. Великая Победа и сегодня остается символом, объединяющим людей, когда-то живших в одной стране – Советском Союзе.

Эта книга – подарок ветеранам, их семьям, память о далеких годах побед и сражений, боевых товарищах и командирах, память о военной молодости, о юности, опаленной пожаром войны.

В создании сборника приняли участие студенты: Е.Перегида, Н.Чекмарева, И.Фролова, А.Соснина, А.Галяутдинова, А. Ахметвалиева, А.Валиев, А.Антонова, Л.Гаязова, М.Хабарова, З.Хатыпова, К.Хамитов, Э.Садыкова, А.Валиахметова, Т.Яфасов, М.Ерохина, ученик СОШ №51 г. Казани А.Никонов.

Преподаватели и аспиранты кафедры истории и культурологии: С.И.Никонова (зав.кафедрой), А.А.Иванов, Н.А.Мухинова, Е.В.Буреева, Г.А.Табейкина, П.И.Гайденко, Т.Р.Галимов, Р.Р.Зарипов.

Особая благодарность Председателю Татарстанского отделения Российской Академии Военно-исторических наук А.А. Иванову за консультации при подготовке сборника.

Заведующая кафедрой истории и культурологии КГАСУ,
доктор исторических наук, профессор
С.И. Никонова

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках необычную книгу. Это сборник рассказов о Великой Отечественной войне, записанных со слов тех людей, которые ее пережили, которым выпала тяжелая доля защищать свою землю, ценой собственной жизни и здоровья спасти мир от коричневой чумы, дать следующим поколениям шанс родиться и жить в мирное время.

Студенты архитектурно-строительного института под руководством преподавателей кафедры истории и культурологии делают очень важное дело – сохраняют историческую память о войне, по крупицам собирают воспоминания солдат, прошедших по военным дорогам, встретившим победный май 1945 года, вернувшихся в мирную жизнь, вырастивших детей и внуков, передавая им правду о войне.

Ветераны скупы на хвалебные слова о себе самих, они рассказывают о боевых товарищах, сражениях, командирах, о трудных военных буднях. Из этих коротких рассказов составляется яркая картина, состоящая из атак, боевых действий, коротких минут отдыха, ранений, потерь – все это правда о Великой Отечественной войне, написанная ее участниками.

Я сам испытал на себе трудности военного времени, ушел на фронт 17-летним сельским пареньком, а вернулся Героем Советского Союза, участвовал в Параде Победы в 1945 году. По возрасту нынешние студенты – мои ровесники. Я прожил долгую жизнь и самая главная моя мечта, впрочем, как и всех моих друзей-ветеранов, – мирная жизнь поколений, чтобы никогда не довелось испытать нашему народу то, что испытали когда-то мы.

Я часто бываю в архитектурно-строительном университете, встречаюсь с преподавателями и студентами и получаю большое удовольствие от этих встреч, отвечая на вопросы молодежи, слушая их выступления и доклады. Уверен, что проект «Факел» появился здесь не случайно. Руководство университета, преподаватели и студенты относятся с почтением к своей истории, здесь нашли продолжение патриотические традиции нашего народа, здесь сохраняется память о героях войны. И я уверен, что результатом работы станет еще не один сборник воспоминаний героев войны.

Герой Советского Союза,
ветеран Великой Отечественной войны
С.А. АХТЯМОВ

Абдуллин Фасыл Абдуллович

Родился 3 апреля 1920 г. в д. Нижние Сони Кзыл-Юлдузского района ТАССР, артиллерист, минометчик, участник Московской и Курской битв, освобождал Польшу, Кенигсберг. Имеет боевые награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны 1 степени, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга».

Я боялся опоздать на войну

Когда объявили войну, 474 стрелковый полк, в котором я служил, был дислоцирован под г. Черниговым и вошел в состав Западного фронта. В 12 часов дня 22 июня бы получен приказ снять войска и направить их в г. Гомель. В Гомель шли пешком, над нами летали вражеские самолёты, обстреливали, бомбили, было убито несколько наших товарищей. Но мы, молодые солдаты, боялись не успеть на боевые действия, думали, что война быстро закончится. По прибытии на место, мой миномётный взвод поставили охранять мост через реку Сож около селения Береговое, чуть выше города Жлобин. С одной стороны был город, а с другой стороны – луга и леса, удивительно красивые, живописные места. Я стоял на посту, слышал, как рвутся где-то вдали снаряды и думал: «Все воюют, а мне не повезло. Война кончится, а я так и не увижу, что такое война».

Вскоре мы вошли в Жлобин, и я увидел, что такое война: разрушенные дома и заводы, повсюду убитые бойцы, которых не успели убрать и похоронить. Под Жлобиным были своеобразные качели смерти: то немцы наступали, а мы отражали их атаки, то советские войска бросались в атаку, и их отбрасывали назад. Потери живой силы были очень велики, многие советские воины были пленены. Но я ещё не участвовал в боевых действиях, я только слышал о них.

Боевое крещение я получил 25 июля около деревни Малиновичи под Жлобиным. Нас, миномётчиков, разместили в ложине

перед деревней. Командир нашего 1-го миномётного батальона, капитан Васильев, вёл в атаку бойцов через огневые точки миномётчиков. Перед деревней, на картофельном поле капитан был убит. На следующий день мой взвод получил приказ двигаться вперёд. В этот день я впервые столкнулся с трусостью и предательством: командир взвода, младший лейтенант Пивоваров, отпорол петлицы, перед атакой переоделся в солдатскую форму и приказал мне вести солдат в атаку. Я повёл взвод через цветущее картофельное поле короткими перебежками под пулемётным огнём. В какой-то момент почувствовал сильный удар по ноге и упал: я был ранен. Я лежал среди картофельных рядов, в ушах был неприятный звон, я чувствовал, что слабею, и вдруг мне показалось, что на некоторых кустах картофеля цветы имеют ярко-красную окраску, а листья почему-то коричневые, вокруг слышались стоны раненых, потом я потерял сознание. Много лет спустя, после войны, я прочитал стихотворение Мусы Джалиля «Красная ромашка» о ромашках, обогранных кровью павшего солдата, и уверен, что в стихотворении нет преувеличения, так как я видел красные от крови бойцов цветы картофеля.

Огонь минометов и пулемётов с обеих сторон был настолько плотный, что нельзя было продохнуть от пороховой гари, однако советские войска отбросили в этот день немцев назад. Всех раненых, в том числе и меня, ночью вывезли на левый берег Днепра, в полевой госпиталь, где произвели первичную обработку ран; к раненым пришли школьники, принесли лесных ягод. Затем нас отправили в тыл, и началось моё длительное лечение в госпиталях Казахстана. 10 декабря 1941 года был комиссован, получил третью группу инвалидности и был направлен домой.

В марте 1942 года я был вновь призван в действующую армию. Воевал в составе 384 пулемётно-артиллерийского батальона, 161 УР (Укреплённого района) Московской зоны обороны (МЗО). Наша 4-ая рота располагалась на правом берегу Дона около села Муравлянка. Там мы создали огневые точки, построили землянки,

укрепления, и ежедневно, строго по расписанию, занимались усовершенствованием боевой подготовки.

Шесть раз в неделю проводились занятия по следующим предметам: огневая подготовка, тактическая подготовка, строевая подготовка, рукопашный бой, преодоление препятствий, гимнастическая подготовка, гранатометание. Кроме того, вели наблюдение, чтобы не было высадки десанта противника. В свободное от занятий время благоустраивали свои землянки, приводили в порядок одежду, писали письма домой, и рапорты командирам с просьбой отправить на фронт.

В свободное время собирались вместе, пели песни, занимались любимым делом: кто-то изготовлял деревянные фигурки, кто-то вытачивал зажигалки. Я всегда любил рисовать, поэтому все мои сослуживцы просили нарисовать их портреты, чтобы отправить домой вместо фотографии. Все бойцы нашей роты были после ранения, обладали теми или иными ограниченными возможностями, поэтому один год, в течение которого мы держали оборону, был годом окончательного нашего выздоровления.

В июне 1943 года нашу часть перебросили Курскую дугу. На Курской дуге наш взвод оказался под вражеским снарядом, всех бойцов засыпало землёй, из взвода выжили три человека, я же был контужен, были сломаны ребра и повреждены почки. Отлежался месяц в полевом госпитале и вернулся в свою часть.

Самое уродливое проявление войны я увидел после окончания Курской битвы: в окрестностях города Кромы Орловской области мы прорвали линию фронта, и вышли к плодово-ягодному питомнику. В этом питомнике был свой посёлок, посередине посёлка раскинулась поляна, на которой летом 1942 года немцы расстреляли мирных жителей, а тела сбросили в подвалы и погреба. При нас похоронная команда производила извлечение тел погибших и их захоронение в братской могиле. Но перед захоронением все тела были разложены на поляне: там были и старики, и женщины, и подростки, и малые дети. Сердца воинов сжимались от ярости,

скорби и от того, что фашистские солдаты, совершившие подобные зверства, пока оставались безнаказанными.

Вместе с наступающими войсками 2-го Белорусского фронта часть, в которой я служил, в сентябре-октябре 1943 года дошла до Гомельской области Белорусской ССР и вышла к реке Сож. Через два года я опять оказался там, где получил первое боевое крещение. Я, как командир, находился на крыше одного из сохранившихся в округе строений и по телефону передавал координаты. В это время снаряд попал в здание, крышу вместе со мной сбросило на землю, я был оглушён и на какое-то время выбыл из строя. Тогда заместитель командира взвода, Комаров Дмитрий Иванович, под прицельным огнём противника, поднялся на единственную высокую берёзу, и закончил процесс пристрелки, затем, регулируя стрельбу остальных миномётов, подавил немецкие огневые точки. За этот бой и я, и Комаров Д.И. получили медаль «За отвагу». После этого случая мы с Дмитрием обменялись ложками на память друг о друге.

Уже после были освобождены города Речица, Светлогорск, Озаричи. Поздней осенью, 1943 года при ведении наступательных боев в Белоруссии в долине реки Припять произошёл курьёзный случай: после боев, заняв новое территориальное пространство, мы, бойцы миномётного взвода разместили свои огневые точки, построили землянку, установили в ней нары, растопили буржуйку и легли спать, выставив на ночь часовых. В полночь проснулись от криков часовых и от того, что кто-то ползал по нам. Все бойцы подумали, что немцы перешли в наступление и дружно попрыгали с нар и очутились по колено в воде. Кроме воды нас поджидала ещё одна напасть: от тепла проснулись ужи и лягушки, зимовавшие в болоте. Лягушки прыгали, ужи ползали, солдаты с хохотом выскочили на улицу, на мороз. Ещё долгое время после этого случая, стоило только одному из нас вспомнить эту ночь, все начинали дружно смеяться.

На берегах реки Птичь, в болотах держали оборону в течение

зимы 1943 – 1944 гг. Линия фронта на протяжении всей зимы не изменилась: советские войска то наступали, то отступали, шли бои местного значения. Зима была очень холодная, но вырыть землянки мы не могли, так как располагались на болоте, и на очень небольшой глубине выступала вода. Построили шалаши из хвороста, обмазали их глиной, покрыли лапником, так и держали оборону до марта 1944 года. Эта зима позволила мне увидеть, насколько настроены воины на победу: никто не сетовал на тяжёлые условия, на холод, на недоедание и на другие тяготы военнопольевых условий. Бойцы сохраняли выправку, следили за собой, соблюдали гигиенические требования, хотя на каждом шагу их подстерегала смерть: в лесах и болотах Белоруссии было множество прыгающих мин, оставленных гитлеровцами.

В декабре 1943 года я получил письмо от отца, в котором сообщалось о гибели моих братьев Ясави, Кавья, Тарифа. Они погибли в разное время, на разных фронтах, но весть об их смерти пришла ко мне в одном письме. Младшие братья помнились мне совсем мальчишками: когда я уходил в армию в 1939 году, Кавью было 18 лет, а Тарифу – всего 16.

Несмотря на ожесточённое сопротивление немецких войск, в мае 1944 года наша часть в составе 2-го Белорусского фронта перешла польскую границу. После перехода границы у города Сельце я был удивлён тем, что разрушений, хаоса, пожарищ на земле Польши было гораздо меньше, чем в Белоруссии. Наш полк получил приказ идти к Варшаве и обойти её с севера. Для этого был занят Наревский плацдарм (сентябрь 1944). Этот плацдарм мы удерживали около месяца, шли очень жаркие бои, за день советские войска предпринимали до пятнадцати атак и несли колоссальные потери. Фашистские войска упорно держали оборону и не отступали, так как понимали, что это был по выражению Гитлера, «плацдарм, направленный в сердце Германии».

В октябре 1944 года нашу часть отозвали, на плацдарм были брошены свежие силы. А наш 384 пулемётно-артиллерийский

батальон двинулся на север и в декабре 1944 года занял оборону близ города Ломжа. Было очень холодно и для того, чтобы построить землянки, мы взрывали землю минами.

Оборону держали около месяца, затем, 15 января 1945 года началось общее наступление Советских войск. Одни армии пошли на запад, другие на север. Наша часть с боями двигалась на север, нами были освобождены польские города Олыптын, Эльблонг, Мальборк, Гданьск. Гданьск я увидел в марте 1945 и запомнил не столько город, сколько Балтийское море, море я видел впервые. В районе Мёртвой Вислы наш батальон был окружён немецким десантом, который шел и от Балтийского моря, и от старицы Вислы. Завязалась очень жестокая схватка, исход которой был предопределён действиями моего взвода: мы открыли огонь из миномётов и уничтожили весь десант. За эту операцию я получил орден «Красной Звезды».

Войну закончил в Кенигсберге, я счастлив, что из войны я вышел не ожесточённым человеком, не человеконенавистником, не разуверился в добром начале человечества, в светлом его будущем. Всю свою последующую жизнь я посвятил воспитанию подрастающего поколения – стал учителем, так как уверен, что предотвратить междоусобицы и войны можно лишь долгой кропотливой работой по воспитанию каждого человека.

Агеев Геннадий Михайлович

Родился 5 января 1918 года в с. Сербилово Гаврилово-Посадского района Ивановской области, ветеран Великой Отечественной войны, заместитель командира батальона, капитан, награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Красного Знамени, медалями «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Крыма».

В безмятежное довоенное время я успел окончить 7 классов школы в 1934 г. и сельскохозяйственный техникум в 1938 г. Практически сразу после техникума я был призван в ряды Красной Армии. Служба моя проходила в кавалерийской дивизии в г. Ровно. В конце 1941 года меня перевели в действующую армию. Но сполна в боевые действия я окунулся лишь после завершения обучения в Ленинградском военно-политическом училище им. Энгельса, курсантом которого я стал в январе 1942 года.

После краткосрочных курсов училища в марте месяце я был направлен в 12-ую гвардейскую стрелковую дивизию на Волховский фронт политруком роты. Днем и ночью шли бои. Яростное

сопротивление немцев, отсутствие дорог сковывало наше наступление. В одном из боев я получил свое первое осколочное ранение в руку.

Но самые жестокие бои были только впереди. Тяжелее всего пришлось зимой 1942/1943 гг. под Сталинградом. Стоял сильный мороз, под ногами была мерзлая земля, а мы в голой степи без окопов.

Как сейчас помню одно из сражений под Сталинградом. Усилившиеся перестрелки и ставшие более частыми взрывы послужили нам сигналом о начале боя. Было очень страшно, свистели пули, летели снаряды, стоял страшный грохот, казалось, что в этом бою ни кто не выживет, но героизму солдат не было предела.

Выглянув из окопа, я увидел немецких солдат, выходящих из деревни и направляющихся к дороге. Когда немцы бросились вперед, мы взяли за оружие. Поскольку немцев было много, шли они почти вплотную, мы не могли промахнуться, что было весьма «на руку». Для поддержки пехоты была выдвинута противотанковая батарея: одновременно двенадцать орудий открыли огонь. Жестокий бой длился до темноты, половина немцев осталась лежать на поле.

В этом бою наш батальон остановил прорыв немецких танков, а я лично подбил четыре танка.

Когда расцвело, мы увидели место побоища. Было тихо. Никто не стрелял. Поле боя приобрело черно-серый цвет – столько на нем было мертвых немцев в серых мундирах. Трупы лежали грудами. Было жутко, хотя мы понимали, что идет война и такая картина царит на всех фронтах.

После Сталинградской битвы я принимал участие в освобождении Крыма, Прибалтики, Кенигсберга, был повышен в звании, стал заместителем командира батальона. Однако особенно отчетливо в памяти отложились воспоминания о битве под Сталинградом. Помню каждую деталь, как будто все это произошло недавно.

Победу я встретил в г. Кенигсберге в звании капитана, в должности заместителя командира батальона. После окончания войны я остался служить парторгом 84-ой стрелковой гвардейской дивизии 33-го полка.

Путь домой проходил сначала через Ржев, а затем мимо Горького и наконец мы прибыли в Казань. А демобилизовался я в 1961 году.

Арсланов Халил Махмутович

Родился 20 мая 1919 года в с. Латышиовка Кадошкинского района Мордовской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, командир батареи, кавалер орденов Красной Звезды, Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, в наградном списке более 15 медалей.

Воспоминания артиллериста

До войны я окончил Лямбирское педучилище в 1938 году, проработал более года учителем Алтарской начальной школы Лямбирского района Мордовской АССР. В ноябре 1939 г. был призван в ряды Советской Армии.

После окончания 1-го Киевского артиллерийского училища в сентябре 1941 года, в числе других выпускников был направлен на формирование 944 артиллерийского полка 378 стрелковой Сибирской дивизии в г. Ачинск. После полного формирования эта кадровая дивизия в конце ноября 1941 года была перебросена в район г. Тихвина, дабы освободить город и предотвратить возможное наступление противника на Ленинград.

После мощной артиллерийской подготовки в декабре 1941 г. Тихвин был полностью освобожден, наши части овладели рубежом реки Волхов. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено подходящими резервами врага из глубины обороны. Мы вынуждены были перейти к обороне на восточном берегу реки Волхов.

По приказу командира полка 3 дивизион, в составе которого была наша батарея, был выдвинут на танкоопасное направление для отражения противника. В течение ночи расчеты готовили позиции орудий, несмотря на глубокий снег. Стенки окопов заливали водой, чтобы сохранить устойчивость в качестве маскировки и защиты.

Утром в первых числах января 1942 года противник силами 10-12 танков атаковал наши позиции, где я был командиром огневого взвода. Допустив танки на прямой выстрел 76 мм пушки, мы открыли прицельный огонь, а через некоторые секунды – танки по нам. Началась дуэль орудий с танками. В результате короткого ожесточенного боя были подбиты огнем нашей батареи 2 танка. На соседних участках противник тоже понес ощутимые потери от внезапного вмешательства огня орудий прямой наводки. Потеряв больше половины танков, противник вынужден был отходить на исходные позиции.

Находясь во время ожесточенного боя у левого фланга батареи, я корректировал огонь двух орудий по приближающимся танкам. В ходе боя один снаряд танка попал в четвертое орудие, я получил ранение. Но из боя никто не вышел, и я продолжал руководить огнем другого орудия. Только после боя раненые были отправлены в эвакогоспиталь на станции Шексна Вологодской области. Это мой самый памятный, страшный бой – отражение атаки танков.

После излечения в госпитале я был направлен в Архангельск для формирования новых подразделений. Я был назначен командиром артиллерийской батареи, которая входила в состав 35 пулеметно-артиллерийского батальона. В мае месяце 1942 г. на стареньких судах по Ладожскому озеру, полностью укомплектованному 75 мм полковыми пушками, лошадьми и личным составом мы были направлены на Ленинградский фронт для смены полевых подразделений и частей у устья р. Невы.

Там мы приступили к укреплению и усовершенствованию огневых позиций на берегу реки Невы, наблюдательных пунктов, убежищ для личного состава. Особое внимание было уделено изучению расположения противника на противоположном берегу реки Невы.

Организовав взаимодействие между орудийными и пулеметными расчетами и подразделениями полевых частей, мы начали

более активные действия на противостоявшего противника с целью вскрытия огневых точек, орудийно-пулеметных позиций. Решением командования из моей батареи было выведено одно 76 мм орудие в качестве «кочующего».

Были назначены рубежи от переднего края на удалении 600-1000 км. Вырыта траншея для маневрирования в случае обстрела противника длиной порядка 500-600 м, глубиной в зависимости от рельефа местности – 1-1,2 м с 6-7 окопами. На сутки отпускалось 5-6 снарядов, за разрывами и действиями противника велось наблюдение и записывалось в специальном журнале. Результаты действия «кочующего» орудия обобщались и использовались во время организации отвлекающих действий наших полевых подразделений.

Где-то во второй половине 1943 года, подводя некоторые итоги работы «кочующего» орудия, газета 16-го укрепленного района поместила строки следующего содержания: «Старший лейтенант Х. Арсланов, отличный артиллерист, огнем орудий своей батарее уничтожил 37 вражеских дзотов и 7 землянок, поднял в воздух 2 склада с боеприпасами и рассеял 12 групп пехоты противника».

Так продолжалось до начала 1943 года. 12 января после мощной артиллерийской подготовки наши войска двинулись в атаку. 67 армия наносила мощный удар с запада на восток, прорывая оборону на участке Московская Дубровка – Шлиссельбург. Навстречу ей пробивалась 2-я ударная армия, ломая оборону на участке в 12 км от Лапки у Ладожского озера.

Нам пришла радостная весть, что 18 января 1943 года с утра бойцы и командиры 1-го батальона 133 стрелковой бригады Ленинградского фронта и 1-го батальона 1240 стрелкового полка 372 стрелковой дивизии Волховского фронта встретились в Рабочем поселке № 1. Таким образом, была частично снята блокада Ленинграда, восстановлена сухопутная связь города со страной.

Где-то в конце 1943 года перед нами была поставлена задача прикрытия разведывательных действий. Они были организованы силами морской пехоты с целью разведки прочности обороны

противника, наличия сил и средств с рубежа устья реки Невы – восточного берега реки в направлении к пос. Отрадному. Задача – по возможности захватить языка под прикрытием наших двух артиллерийских батарей и вернуться в свое расположение. Но противник, очнувшись при подходе подразделения морской пехоты к своему берегу, открыл огонь со всех средств. Но сделано это было уже с большим опозданием: морские пехотинцы благополучно с четырьмя ранеными и, захватив двух языков, подошли к своему берегу и укрылись в своих траншеях.

Огнем двух артиллерийских батарей при отходе нашей морской пехоты были подавлены многие вражеские огневые точки. Но противник из глубины обороны сделал несколько огневых налетов по нашему переднему краю. Один из нарядов 105 мм гаубиц попал на бруствер моего открытого наблюдательного пункта. Я получил контузию и отправлен в госпиталь в Ленинград.

Пролежав 17 дней и почувствовав улучшение, я узнал, что идет подготовка к расформированию 35-го пулеметно-артиллерийского батальона. Без документов на попутной машине я уехал в свою часть, что оказалось своевременным решением. Через несколько дней, где-то в конце декабря 1943 г. – начале января 1944 г. 35 пулеметно-артиллерийский батальон был расформирован. Рядовые, сержанты и офицеры были отправлены в готовившиеся подразделения и части к прорыву блокады Ленинграда. Я был направлен в 10 артиллерийский полк 48 стрелковой дивизии Ленинградского фронта на должность командира батареи.

14 января 1944 года после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление Ленинградский фронт.

42 армия, в составе которой находился наш полк, с Пулковских высот наступала на Красное Село. Враг ожесточенно сопротивлялся. Борьба шла за каждый опорный пункт и требовала огромных усилий и самопожертвования.

В районе Красного Села противник создал несколько укрепленных рубежей. Прорвать их с ходу успеха не имело. Командир

нашего батальона вынужден был временно приостановить продвижение. Но затем были поставлены конкретные задачи для прорыва укрепленного рубежа и для дальнейшего наступления в направлении Красного села.

Я, по приказу командира батальона и по разрешению командира дивизиона, выдвинул два орудия на открытые позиции для подавления и уничтожения огневых точек и живой силы, а другой взвод подавлял огневые точки с закрытой огневой позиции.

После огневого налета со всех средств подразделения нашего батальона овладели укрепленными рубежами. Это в свою очередь способствовало успешному наступлению стрелкового полка, а 19 января части и соединения 2 армии овладели Красным Селом.

После мы принимали участие в последующих событиях Кингисепском и Лукском направлениях, где продолжались ожесточенные бои по захвату укрепленных населенных пунктов Бол. Сабек, Струги Красные в направлении Пскова.

Во второй половине марта, около населенного пункта Середка под Псковом при отражении контратаки противника я был ранен и был отправлен в эвакуогоспиталь г. Пскова, в последующем для продолжения лечения в Ленинграде. За эти ожесточенные бои я был награжден орденом «Отечественная война» II степени, который нашел меня только в 1952 году.

После выздоровления в конце мая 1944 года я был вновь отправлен на фронт в качестве командира батареи 122 мм гаубиц 431 артиллерийского полка 189 стрелковой дивизии Ленинградского фронта.

В июне-июле 1944 года наши войска готовились к новому наступлению. Мне, как многим командирам батареи 122 гаубицы, было приказано оборудовать наблюдательный пункт на дереве опушки леса юго-восточнее Нарвы. Задачей – не допустить передвижения живой силы и техники по дороге Таллинн – Нарва. За 10 дней было уничтожено и рассеяно до 20 групп пехоты и повреждено до 8 машин. Противник, обнаружив наблюдательные

пункты, в том числе и мой, огнем налетом попытался уничтожить их. В этом бою я получил тяжелый ушиб бедра.

189 стрелковая дивизия в конце августа 1944 года была передана в 3 Прибалтийский фронт, силами которого был освобожден г. Псков.

Была создана благоприятная обстановка для дальнейшего наступления на территории Эстонии и Латвии. Во время боев в районе укрепленного района Сигулда, я был вновь тяжело ранен. С большим трудом и риском меня и раненого командира батальона перенесли в дивизионный госпиталь.

После затишья по указу командующего 3-м Прибалтийским фронтом генерала Масленникова я был награжден орденом Александра Невского.

Через два дня меня отправили в Киров, где я находился до 5 марта 1945 года. После выписки из госпиталя был направлен в высшую артиллерийскую школу г. Луга Ленинградской области.

Служил в кадровой армии до июня 1961 года. С должности заместителя командира артиллерийского полка и в звании подполковника был уволен в запас.

Ахметшина Амина Ахметхановна

Родилась 21 сентября 1924 г. в д. Субаш Аты Арского района Татарской АССР, в 1941 г. ушла добровольцем на фронт, связистка, шифровальщица, старшина первой статьи, служила на Северном флоте, имеет боевые награды.

Женщина на флоте – это к победе

В семье нас было 7 детей, я – самая старшая. В 1940 году умер отец. Надо было помогать маме. Тогда мой бывший учитель, работавший заведующим отделом образования в Столбище, предложил мне работу, я сказала маме, что уезжаю. У нее не было другого выхода, она согласилась. Так в 16 лет я начала работать статистом, бухгалтером. Мне было всего восемнадцать лет, когда началась война.

Когда мой бывший учитель, принявший меня на работу, ушел на фронт, на его место назначили нового человека. Я уехала с проверкой по деревням, и вовремя не смогла вернуться из-за весеннего половодья. Конечно же, моему новому руководителю

это не понравилось. Он даже не захотел меня выслушать. Угрожал отправкой в тюрьму. «Уеду в армию, но в тюрьму не сяду», – подумала я и обратилась в военный комиссариат. Я подала заявление в военкомат, в котором написала: «Хочу воевать! Никого не боюсь, кроме Бога!».

В августе получила повестку и вместе с 250 девушками на пароходе мы уехали на фронт. Последней остановкой был Мурманск. После распределения я попала в учебный отряд школы связистов Северного флота, который находился в Архангельской области на Соловецких островах. Обучение шифровальному делу в школе связи продолжалось шесть месяцев. Когда окончились учения, нас отправили по разным фронтам. Я попала в штаб Северного флота в городе Полярный. Я оказалась самой молодой. Там я и прослужила до конца войны шифровальщицей в звании старшины первой статьи, не допустив ни одной ошибки в работе с секретными документами.

Нас очень тщательно готовили. Чтобы враг не смог расшифровать наши донесения, на каждый день была своя таблица помимо книги с кодами.

Сюда, на Соловецкие острова шли караваны судов из Америки, Англии, а я должна была держать связь. Попадала и под бомбёжки. Фашистские самолёты постоянно бороздили небо этого единственного морского пути, по которому шла боевая техника и продукты питания. Даже здесь, на далёком севере, рвались бомбы и гибли люди.

Но вот и наступил долгожданный День Победы. Первыми о победе узнали англичане, которые тут же сообщили об этом девушкам-шифровальщицам, радостно крича «Victory! Victory!». На следующий день, восьмого мая, начали праздновать победу американцы. Девятого мая советские войска Северного флота с нетерпением ждали радиосообщения, и уже поздно ночью министр иностранных дел Молотов объявил радостную новость и тогда праздновать начали мы. Мы не могли поверить, что это случи-

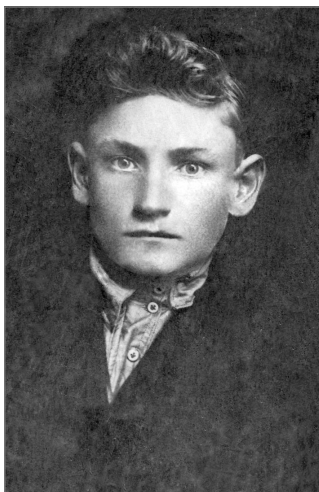
лось. Нам казалось, что эта война не закончится никогда. Все, кто были в штабе, вышли на пирс встречать начало полярного дня. Корабли подняли флаги, и тут, неожиданно, всё окутал густой белый и мокрый снег. Наверное, он засыпал следы войны. Впервые здесь я задумалась о будущем. Работа шифровальщицы была секретной, даже сейчас, я помню некоторые шифрограммы. Могу раскрыть только одну секретную шифрограмму, которая звучит так: «Нас не победить!».

Когда закончилась война, мне было только 20. Тогда меня спросили: «Хочешь учиться в Москве?» Как можно было упустить такую возможность. Я уехала. Мне даже посчастливилось увидеть парад Победы в Москве.

Отучившись один год в начальной школе по подготовке контрразведчиков, я стала оперуполномоченной КГБ. Получила юридическое образование, изучила стенографию, освоила английский язык. До 1949 года работала в отделе контрразведки Флота Черного моря.

После этого написала рапорт и вернулась в Субаш Аты. Начала обучать детей русскому языку в школе. О том, что у меня было специальное образование, я никому не говорила. Окончила педагогический институт. В 1958 г. переехала к брату в Казахстан, где и живу до сих пор. Почетный гражданин г. Абая Карагандинской области Казахстана.

Бородин Петр Николаевич

Родился 5 января 1917 года в д. Андреевка Бугульминского района Татарской АССР. Военный водитель, воевал на Южном фронте, имеет боевые награды, в числе которых орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Два брата и гармонь

Родился Петр Бородин в деревне Андреевка, в бедной крестьянской семье, росли без отца, оба брата (Петр и Федор) рано пошли работать в колхоз, Петр был комбайнером, Федор – трактористом.

Петр Николаевич женился первый раз рано – в 17 лет. В 1935 г. у него родилась дочь Машенька, но жена после родов умерла. Второй раз он женился на Мальцевой Матрене Николаевне в 1940 году, когда ему было 23 года. Матрена родом была из деревни Черновка Оренбургской области. Его брат Федор Николаевич к тому времени тоже был женат, но детей у него не было.

В апреле 1941 года, буквально за два месяца до начала Великой Отечественной войны, Петю и его брата отправили в учебную

военную часть в Бугульму. Они с собой взяли гармонь, так как без нее не могли, оба хорошо пели и играли. Петра обучали на военного водителя, а Федор попал в кавалеристскую школу. Через месяц их забрали в армию. Из деревни Андреевка ехали на телегах провозжать двух братьев их жены, мать и пятилетняя дочь Петра Николаевича Машенька.

15 мая 1941 г. в армию отправили кавалерию, куда и попал Федор Николаевич, а Петра Николаевича отправили водителем. Гармонь с собой взял Петр, так как Федору в кавалерии было неудобно с гармонью.

А 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Немцы рвались к Москве. Первой шла в атаку кавалерия, танков не хватало. Федор Николаевич прислал с фронта всего одно письмо и потом пропал без вести.

Только в 1961 году родные узнали о его судьбе: погиб под Смоленском и похоронен в братской могиле. В Бугульме есть обелиск славы, где горит вечный огонь в память погибшим в этой страшной войне, на каменных плитах высечены имена погибших, среди них – Бородин Федор Николаевич.

Бородин Петр Николаевич воевал на передовой линии фронта, а именно на Южном фронте в звании ефрейтора 17 механической гвардейской бригады.

От него в 1942 году пришла посылка. Она шла очень долго. В ней лежала гармонь, пиджак, в котором его забирали на войну и сухофрукты (урюк и т.п.). Ведь в наших краях таких не было, и Петр прислал своим родным гостинец. Он был водителем грузовика, полуторки, возил снаряжение. Не раз он попадал под бомбежки и обстрел. Однажды был бой, их роту разбомбили, они старались укрыться в лесу, техника осталась на открытом месте. Когда бой закончился, вернулись, остались в живых только двое, в том числе и Петр. Подошли к грузовику, а там сидит молодой немец, совсем парнишка, откуда взялся не понятно. Они не стали его убивать, отпустили.

9 мая 1945 года была уже подписана капитуляция немецких войск. Но война на самом деле еще продолжалась. 25 мая 1945 года немцы разбомбили грузовик и отряд. Немецкий снайпер стрелял и бил по ногам, чтобы не могли убежать, но не убивал. Петр тоже был там, лежал с перебитыми ногами. Бойцы долго лежали, пока наши не пришли и не собрали всех раненых. Оставшихся в живых увезли в лес, положили на ветки деревьев и там лежали раненые еще три дня, пока смогли их вывести оттуда и оказать помощь. Простреленную ногу не удалось спасти, так как началась гангрена. Три раза делали операцию, пришлось отрезать ногу выше колена.

Лечиться Петра отправили в Тбилиси, в 1422-й эвакуационный госпиталь, где по постановлению военно-врачебной комиссии ефрейтор Бородин «признан негодным к военной службе с исключением с учета» и выписан из госпиталя 24 июля 1945 года.

Петр Николаевич возвращался домой в августе 1945 года. Ему было тогда всего 28 лет. Пять лет он не видел мать, старшую дочку Машеньку, жену, и младшую дочку Валечку, которая родилась 18 июня 1941 года, через месяц после его ухода на фронт. С поезда на станции Акбаш Бугульминского района его забрал почтальон. Вся деревня и стар, и млад, вышли встречать далеко за деревню. Младшая пятилетняя дочка Валя не видела еще своего отца ни разу, ей было интересно кто он, и она убежала дальше всех и выше поднялась в гору, чтобы первой его увидеть.

Лошадь почтальона остановилась, Петр Николаевич подает руку, здоровается, а сам не сходит с повозки, стесняется без ноги. Кто-то из односельчан спросил: «Петр Николаевич, а узнаешь свою младшую дочь, которая твоя?». Он осмотрел всех ребятишек и, увидев Валю, сказал: «Да вот эта, самая кудрявая». Узнал сразу, Валя была похожа на него: русые кудрявые волосы и голубые глаза, как у папы. Он взял ее, посадил на здоровую ногу и спросил: «А где твой папа?». Не смотря на то, что ей было жутко и страшно, что у него нет второй ноги, она тут же бойко ответила:

«Ну, ты же мой папа». Вся деревня плакала, встречая солдата. Так встречали каждого, кто вернулся с этой жуткой и страшной войны. Но не в каждом доме была такая радость. Были семьи, где родители получили по восемь похоронок, в которых сообщалось о смерти сыновей и мужей.

Петр Николаевич имел группу инвалидности, при которой нельзя работать, но он работал всегда. До 1950 года он был председателем Андреевского сельского совета Бугульминского района. Позже стал председателем колхоза «Малиновка». Умер он 1 января 1961 года в возрасте 44 лет.

Петр Николаевич много успел сделать в жизни и для страны, и для односельчан, и для своей семьи. У него родилось шесть детей, последнего, Виктора он не увидел, так как тот родился через 28 дней после его смерти.

Быков Геннадий Александрович

Родился 6 декабря 1926 года в с. Большое Подберезье Кайбицкого района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, участник разгрома Квантунской армии в ходе Маньчжурской операции 9 августа – 2 сентября 1945 г., связист, награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Японией».

Мои воспоминания о войне

Известие о войне застало меня на колхозном поле, где я пас лошадей. Вскоре мужчины стали уходить на фронт, забрали и моего отца. О его судьбе мне мало что известно, он пропал без вести в 1942 году.

Осенью 1943 наступила очередь идти на фронт ребятам 1926 года рождения. После получения повестки меня направили в село Большие Кайбицы, где я вместе с другими призывниками попал в буинский эшелон. Далее путь лежал в Казань. В Казани состав дополнили и отправили в Монголию.

Проучившись в учебном батальоне 6 месяцев, я получил специальность связиста. После этого меня перевели в минометную батарею. Шел 1944 год. В боевые действия мы пока не вступали, шла подготовка.

9 августа 1945 года Советский Союз объявил войну Японии. 17-ую армию под командованием генерал-лейтенанта А.И. Данилова, в которой я на тот момент служил, отправили воевать с хорошо вооруженной Квантунской армией. Пошли мы своим ходом, прошли около тысячи километров через всю Монголию, через пески Гоби в сторону Японии. Этот переход нам дался очень тяжело: жара, нестерпимо хотелось пить, а воды не было, кругом пустыня. Снайперы рыли колодцы для воды.

Потом нам пришлось перейти горный хребет Большой Хинган. Передвигаться старались быстро, чтобы японцы не успели закрепиться и не смогли нам оказать серьезное сопротивление. Преодолев хребет, мы двинулись дальше, вступили на территорию Китайской Республики, где участвовали в освобождении многих китайских городов. Серьезных боев у нас не было. Когда командующий Квантунской армии узнал о том, что мы перешли Хинган, практически сразу подписал акт о капитуляции.

После окончания войны с Японией, мы вернулись в Монголию, где армию расформировали. Нас направили в распоряжение Тихоокеанского флота. Служил на Сахалине в морской пехоте до 1947 года. После расформирования части служил в стрелковом полку, располагавшемся в Советской Гавани, охранял военные базы, склады морского флота. Демобилизовался в апреле 1950 года.

Вахитов Мухамет Хайрутдинович

Родился 10 ноября 1918 года в д. Янасалы Рыбно-Слободского района Республики Татарстан, ветеран Великой Отечественной войны, военврач, кавалер орденов Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

Воспоминания фронтового врача

Войну я встретил студентом Казанского государственного медицинского института, в который поступил в 1938 г. Мы готовились к экзаменам и целые дни проводили в казанском парке Черное озеро. Неожиданно из громкоговорителя послышался голос наркома иностранных дел В.М. Молотова, сообщившего, что началась война. С этого времени программа обучения резко изменилась. 8-10 часов в день мы занимались военно-полевыми дисциплинами. А в апреле 1942 года без сдачи государственных экзаменов нам были выданы копии дипломов. Девушки остались доучиваться до осени, а мужчин отправили на фронт.

Меня отправили на месячные курсы по санитарно-химической защите войск. На химическом законе в Дзержинске Горьковской области я впервые увидел поражённых химическими веществами и пережил первую бомбардировку.

В конце июля 1942 года в звании военврача 3-го ранга я получил назначение в медсанбат 18-й стрелковой дивизии на должность командира отделения санитарно-химической защиты. Дивизия стояла в обороне на правом берегу Дона. Химических атак не было, но было много раненых. У многих раны осложнялись газовыми гангренами, почти всегда приводившей к летальному исходу. В августе вражеская армия пошла в наступление. Оборона дивизии была прорвана. Форсировавшиеся через Дон войска подвергались жесточайшей бомбардировке. Многие погибли. От длительного

пребывания в холодной воде я тяжело заболел и попал в эвакуационный госпиталь.

После выписки был направлен в дивизию в 70 км от моего прежнего места службы. Дальнейшие действия моей части были связаны с событиями, связанными с обороной Сталинграда. В ноябре 1942 г. я был ранен. Меня прооперировали, но осколок в себе я ношу до сих пор. Из медсанбата меня отправили в полевой госпиталь, затем в госпиталь в г. Саратов. Отсюда я написал письмо в Управление эвакуогоспиталей при Татнаркомздраве с просьбой принять меня на дальнейшее лечение. В Саратове я начал заметно поправляться. Врачей не хватало и в тылу. Начальнику госпиталя очень не хотелось меня отпускать: здесь я был в двух лицах – как «не ходячий ранбольной» и как бесplatно работающий врач.

В итоге я оказался в Казани. Рана заживала долго. В это время мне предложили должность начальника госпиталя, но я отказался, поскольку полагал, что лучше уехать снова на фронт. И вскоре такая возможность представилась: был нужен врач на новое формируемое санитарно-транспортное судно «Ленинград». Я согласился. Здесь я пробыл до закрытия навигации, а в ноябре 1943 г. получил назначение в Подмоскowie в отдельный резервный танковый полк на должность старшего врача. Полк, подчинявшийся непосредственно командующему танковой армией постоянно перебрасывали, используя его силы для прорывов обороны противника. Путь боевой части прошёл через Польшу, Германию, Чехословакию, Карельский перешеек, Эстонию. В оказании медицинской помощи раненым солдатам и офицерам были свои трудности: к огнестрельным ранениям танкистов нередко присоединялась ещё одна травма – ожоги от возникающего внутри танка огня. Кроме того, возникала масса проблем, когда пострадавшего надо было извлечь из танка.

Во время боевых действий моя жизнь нередко висела на

волоске. Вот только один из запомнившихся эпизодов. Полк находился в немецком городе Гроткау. Во дворе одного лечебного учреждения разместился медицинский персонал полка, танк командира полка и хозяйственная часть. Шла редкая перестрелка. С той и другой стороны было слышно, как рвались немецкие снаряды. Я и ещё три офицера стоим во дворе, рядом с одним из офицеров была овчарка – она пристала к нему по дороге в город. Овчарка своим странным поведением обратила на себя наше внимание: она искала укрытие. То под гусеницу танка ложилась, то пряталась под забором. Меня беспокоило одно: куда эвакуировать раненых. Я вышел на улицу в надежде найти указатели направления в медсанбат или эвакогоспиталь. Не успел отойти от ворот метров на 25-30, как слышал звук разорвавшегося снаряда где-то поблизости. За мной выбежал солдат с криком: «Наших ранило!» Вернулся во двор и вижу: два офицера тяжело ранены. У одного проникающее ранение живота, у второго тоже тяжелое открытое ранение в грудь, и только третий из этой компании цел и невредим. Собака убита. Оказав помощь, раненых повезли в госпиталь. По дороге один из них скончался. Ко мне судьба оказалась благосклонной.

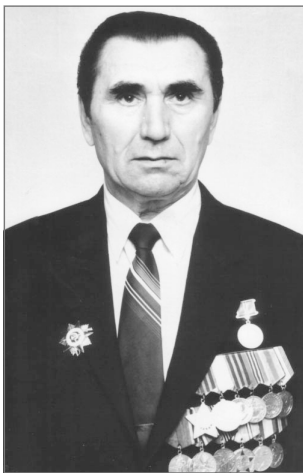
После окончания войны наш танковый полк находился в составе оккупационных войск в Венгрии, а через год, в 1946 г., передислоцирован в Самарканд. Оттуда я уехал в Москву добиваться демобилизации. Хотелось продолжить учебу в институте. В итоге, в 1947 г. я всё же окончил институт и получил диплом установленного образца.

На войне погиб мой тесть, М. Усманов, первый директор Казанского завода «Пишмаш». Он был призван в январе 1943 года, а уже в августе родственники получили похоронку. Похоронен в братской могиле у деревни Падалище Ярцевского района Смоленской области.

Войну прошёл и мой брат, Вахитов Назип Хайрутдинович. Он

был призван на военную службу ещё в октябре 1939 г. Служил в Читинской области, а с августа 1942 по май 1945 – на разных фронтах Великой Отечественной. Награждён орденом «Отечественной войны» 2-й степени, двумя орденами «Красной звезды», медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Даутов Валентин Михайлович

Родился 26 апреля 1926 года в Сабинском районе Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, майор, в его наградном арсенале ордена Славы III степени, Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и др.

Я помню Берлин тех дней...

В середине октября 1943 г. я явился в Енисейский райвоенкомат и спросил: почему мне не присылают повестку? Я очень боялся, что меня не возьмут в армию. Я был всего 49 кг весом и 149 см ростом. Председатель комиссии, однако, сказал: «Мальчик, раз пришел, становись на комиссию!», а после комиссии заявил: «...ничего, в автоматчики пойдешь!».

На 500 подводах, по три человека в каждой, повезли нас в г. Красноярск, где я попал в 73-й запасной артиллерийский полк, в учебный дивизион, во взвод топовычислителей. В ноябре 1943 г. наш полк прибыл в г. Ачинск, где 9 января 1944 г. я принял воен-

ную присягу. Весной 1944 г. наш полк сменил дислокацию на г. Канск.

В конце мая 1944 г. учеба наша, по-видимому, закончилась. Определили нас в «маршевую роту», т.е. отправка на фронт.

В самом начале июля 1944 г. наш эшелон прибыл г. Псков. Не успел поезд остановиться, как нас стали бомбить. Слышны были крики – «Мама!» Тот, кто скатился в овраг и успел «нырнуть» в лес, остался жив. До передовой оставалось еще почти 200 км, которые мы шли по ночам, лесом. Врагу не удалось нас найти, и мы благополучно, без потерь, добрались до передовой. Удаче, на мой взгляд, способствовала железная воинская дисциплина, порядок в армии, умение маскироваться и хранить секреты.

В середине июля 1944 г. на широкой поляне у опушки леса произошло распределение по частям 33-ей стрелковой дивизии 3-ей Ударной армии. Первым «покупателем» был зам. командира 44 арт. полка майор Овчаренко. Он отобрал 40 артиллеристов. Принцип отбора – два шага вперед, сначала наиболее крупные и здоровые, затем – имеющие 9, 10 классов образования. Так я оказался в артиллерийском полку стрелковой дивизии. Меня назначили разведчиком во вторую батарею первого дивизиона

Первый бой я принял недалеко от Тарту в июле 1944 г. Наблюдательный пункт был выбран командиром дивизиона, майором, только что назначенным к нам, на красивом холме, покрытом лесом. Бой был жестокий, кровопролитный, лес на холме был полностью скошен, наблюдательные пункты уничтожены, лейтенант, майор и почти все солдаты и сержанты наблюдательных пунктов убиты. Мне повезло: мой ров был под корнем огромной сосны, в глубине. Сослуживцы рассказывали, что три дня я ходил бледный, как полотно.

Вскоре один из наводчиков пушки нашей батареи был тяжело ранен и направлен в госпиталь. Меня же назначили на место выбывшего наводчика. Это была 76 мм. пушка 1939 г. «УСВ»,

тяжелая, высокая. На прямую наводку нас не посылали, пока не заменили на более современные, низкие и легкие ЗИС-3.

В декабре 1944 г нашу 3-ю Ударную армию в полном составе погрузили на эшелоны и перебросили через Минск под Варшаву. Так я со своим полком оказался в составе 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Г. Жуков.

Огневые позиции наших пушек находились на правом берегу Вислы. Рыть окопы, блиндажи было очень трудно. Земля была насквозь промерзлая, стояли очень сильные морозы для этих мест, температура доходила до – 17. Поляки говорили, что русские принесли страшные морозы.

К тому же немцы совершали постоянные бомбежки и артиллерийские обстрелы. После одного из обстрелов «ишака» (так называли у нас шестиствольный немецкий миномет) не досчитались в батарее меня и сержанта Мигина. Это случилось в январе 1945 г. После того, как пришел в себя, я узнал: найдя в одном месте засыпанную траншею, нас откопали, сначала меня, 18-летнего, вторым сержанта, 35-летнего. Увезли в дивизионный медсанбат. Наутро я очнулся, пришел в себя, а на сержанта ушла домой «похоронка». Позднее медсестра поведала мне, что якобы начальник медсанбата воскликнул в мой адрес: «из небытия пришел!» и добавил – «Удивительно крепкое здоровье у этого молодого человека!».

Через неделю в медсанбат прибыла грузовая автомашина ЗИС-5 со знакомым шофером Малыгиным. Я спросил у него: «Наши огневые позиции не изменились?». Малыгин мне в ответ: «Пушки стоят на месте, скоро артподготовка и наступление, однако у твоей пушки все еще нет наводчика». Я, не задумываясь, решил: «Я поеду с тобой!». Осторожно открыл окно, выпрыгнул в одном халате в кабину автомашины и был таков. На батарее были чрезвычайно рады, сняли халат и тапочки, одели, обули и стал я снова солдатом-наводчиком. Однако лишился каких-либо документов о моем пребывании в медсанбате.

17 января 1945 г. мы освободили столицу Польши – Варшаву. Наши батареи прошли через юго-восточную окраину города почти без боя. Город был сильно разрушен. За Варшавой мы вышли на оперативный простор. Еле успевали за танками и мотопехотой. Проходили в день по 40 км. Лишь иногда приходилось разворачивать орудия и стрелять прямой наводкой по оказывающим сопротивление отдельным группам фашистов.

Помнится, как в ночь на 14 апреля 1945 г., оставив тягачи-автомашины на правом берегу, мы на конной тяге переправлялись на левый берег р. Одер, на Кюстринский Плацдарм. Переправа была очень трудная. Мост понтонный был жидким, ходил ходуном. Это, во-первых. Во-вторых, переправу бомбили и круглосуточно обстреливали так называемыми «бризантными» снарядами, которые на заданной высоте по графику взрываются, и множество осколков поражают живую силу. В-третьих, нас очень торопили. Всюду звучала команда: «...живей, живей, не останавливаться!» Спустя десятилетия с ужасом вспоминаю свое неправильное размещение во время переправы: ехал я на станине орудия, обхватив ствол пушки обеими руками. Голова же моя под стволом. Пораженная осколком рука автоматически свалила бы меня на понтон, а то и прямо в Одер.

Переправившись на левый берег реки Одер, мы заняли указанные нам позиции на Кюстринском плацдарме. Час пробил, и 16 апреля 1945 г. огнедышащий кюстринский вулкан взорвался. И случилось, как в той песне поется: «... и сотни тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину «Огонь, огонь!»

Было еще темно, когда загрохотали тысячи орудий и минометов. Снаряды моей пушки также явились частицей небывалого шквала огня, обрушившегося на позиции врага на Зееловских высотах. Стрелял я непрерывно в течение 20-25 минут. Плотность артиллерийского огня была настолько большая, что откат ствола пушки становился более тяжелым и медленным, а со ствола местами отлетала краска от перегрева.

Примерно в 3 ч. 30 минут по Берлинскому времени мы заметили вертикальный луч прожектора. Это было какое-то чудо, что-то сверхъестественное. Вначале мы даже перепугались, приняв это представление за конец света потеряв дар речи, некоторые даже начали креститься, хотя все мы считались в ту пору безбожниками. Как тут не растеряться! Свет был такой сильный и яркий, что хоть иголки собирай, позиции врага как на ладони. Через минуту мы вышли из оцепенения, поняв, в чем дело. Оказывается, впервые в истории войн был применен такой метод успешной боевой операции, как свет.

Когда закончился бой, и десятка два-три военнопленных немцев проходили мимо расположения батарей 1-го дивизиона, нам удалось задержать пленных на несколько минут и получить от них ответы на наши вопросы. В дивизионе у нас был офицер, владевший прилично немецким языком. Мне же слабо владеющему языком врага также разрешили присутствовать на этом допросе.

Вот какие ответы мы получили на свои вопросы. Пленные, вздрагивая и заикаясь, говорили:

– Огонь вашей артиллерии был так силен, что в первые же минуты боя в окопах наших переднее линии не стало почти ни одного солдата. Снаряды перепахали все, что было приспособлено к обороне!

– Наша оборона не могла выдержать такого адского огня. Мы были ослеплены нашим новым оружием!

– Разящие лучи – о, – это страшнее «Катюш»! – признавались пленные солдаты.

Конечно, зееловский огонь при свете прожекторов «перепахал» все, и на переднем крае противник организованного сопротивления не оказал. Но на Зееловских высотах нам не удалось окончательно сломить врага и разрушить полностью их оборону. Немцы – отличные вояки, профессионалы, хорошо вооруженные и умело владеющие своим оружием. Они сумели оправиться от потрясения и стали драться с ожесточением. Начались упорные и

кровавопролитные бои. Но ничто и никто не мог уже остановить наше наступление на Берлин.

На рассвете 21 апреля 1945 г., я со своей частью и вместе с другими бойцами 3-ей Ударной Армии вошел в Берлин, на его северо-восточную окраину. Где-то, может быть, не так далеко, в Рейхканцелярии, находился сам Гитлер, развязавший войну и причинивший столь тяжкие страдания народам мира и прежде всего советскому народу. Он не жалел и свой народ, своих солдат, приказывая им сражаться до последнего патрона и последнего солдата. Большое поражение наносили снайпера в гражданской форме, засевшие на чердаках и этажах домов. Перебежать улицу было почти невозможно.

Я навсегда запомнил Берлин тех дней, этот едкий и мгlistый от гари и каменной пыли воздух, хруст песка на зубах. Чем ближе к центру, тем плотнее воздух. Кругом разрушенные дома. На уцелевших стенах домов видим броские, написанные крупным шрифтом, категорические заверения Геббельса, что русские не войдут в Берлин. А мы не только вошли в Берлин, а добираемся уже до самого Геббельса. Дышалось еще тяжелее.

Мы приближаемся к особому девятому сектору обороны Берлина – правительственному кварталу. Теперь все чаще мертвые кварталы сплошных руин. Пыль и дым застилали нам путь. Здесь на каждом шагу подстерегала пуля или минометно-артиллерийский осколок. Бои не стихали ни на минуту. Кругом грохочет, свистит и воеет, стоит кромешный ад. Все смешалось, понятия день и ночь слились. Бойцы смертельно устали и засыпали прямо у своих орудий, когда немного стихало.

Во время Берлинских событий не помню, отходил ли я за эти 12 дней от своей пушки. Здесь же на станине пушки дневал и ночевал, дремал, когда удавалось, положив голову на станину или между станинами на земле, положив вещмешок под голову. Не помню я также, где, когда и что ел.

Мы уж перестали верить, что такой грохот, свист и вой когда-

нибудь кончится. Однако поздно вечером 1 мая 1945 г. на нашем участке прекратился огонь. Установилась тишина. Тишина, в которую трудно было и поверить.

В ночь на второе мая наша первая батарея 76 мм. пушек продвинулась на два квартала и заняла позиции на Паризерплатц. Это была последняя огневая позиция моей пушки в этой проклятой войне. Недалеко, как выяснилось позднее, находилась большая площадь перед Бранденбургскими воротами и знаменитая улица Унтер ден динден, где Гитлер не раз проводил пышные блиц-парады и шумные оргии. Не спалось в эту короткую майскую ночь. Люди на батарее думали о конце войны, о скорой встрече с родными и близкими, о весне и празднике Первомая. Некоторые обменивались адресами. Забрезжил рассвет, и поднималось чудесное майское утро второго дня.

В четвертом часу утра вдруг мы заметили группу немцев, человек до ста. Они были одеты в гражданские плащи и бесшумно, прижимаясь к стенам домов по обеим сторонам улицы, шли к нам. Положение сложилось более чем серьезное: нас около сорока, а немцев не менее ста. Положение усугублялось еще тем, что, продвинувшись ночью на два квартала, мы не заметили впереди себя пехоту, которую артиллеристы всегда поддерживают огнем и колесами.

Мы встали у орудий, а немцы идут. Расстояние между нами сокращается: 200, 150, 120 метров... Фашисты решили, что батарея спит. И в тот самый момент, когда люди в плащах крикнули «Ничча» и бросились к пушкам, наш «огневой» скомандовал «Огонь!» Все три орудия «выплюнули» смертоносный металл, полетели гранаты. Немцы явно не ожидали такого поворота событий. Оставив лежать на перекрестке до тридцати человек, фашисты откатились.

Но опасность не миновала: враг получил подкрепление и стал нас окружать. Одно орудие пришлось повернуть стволом туда, где, казалось, были свои. Отбили одну атаку, вторую, третью. Немцы

стали прорываться в боковой дом, напротив наших пушек. Получаем приказ: «С автоматами и гранатами – все на защиту дома!» У двух подъездов дома разгорелся жестокий бой: пошли в ход не только автоматы и гранаты, но и приклады, стулья и кулаки.

Но силы были неравные. Вот пал сраженный любимец батареи Кравченко, нет уже в живых радиста Юрченко, истекает кровью богатырь «Кузя», который подносил тяжелые ящики со снарядами, как корзины с грибами. С яростью отбивается с горсточкой солдат отседающих фашистов мой командир орудия Николай Стародубцев. Вцепившись зубами в немца, сжав его горло, вместе с ним упал еще один наш, второй, третий.

Наступил критический момент, послышался за углом лязг гусениц: то шли на наши орудия танк со свастикой и самоходка серозеленого цвета. Старший лейтенант Синельников сам встал у второго орудия. У прицела первого орудия, на другой стороне улицы, стоял я – 18 летний наводчик.

Танк выскочил на перекресток в ста шагах от нас и не сразу заметил наши орудия, стоящие между колонн в подъездах домов. Главное – не промазать! И по команде «Фугасным огонь!» – посылаю снаряд, затем второй, для верности и третий. Второе орудие делает то же самое. Смотрим: немецкий танк горит. Вдруг длинная автоматная очередь из-за горящего танка. Пули, как горох, застучали по броневому щиту моей пушки, и чуть было не сгубили нас самих. Я, видимо, благодаря своему маленькому росту почти полностью скрывался за броневым щитом своей пушки. Именно это спасло меня от автоматной очереди фашистского танкиста в последнем бою. Бросив гранату, старший лейтенант сразил танкиста-автоматчика.

Немецкий танк продолжает гореть, а гул нарастает уже с другой стороны улицы, где у нас только одна пушка. Гул все ближе и громче. То идут танки: один, второй, третий, пятый... Все решили умереть, но не сдаваться. За секунду до команды: «Фугасными, беглый огонь!» заметили на первом танке маленькую красную звездочку.

Она становилась все ярче и больше. Это шли советские танки Т-34. Они, не останавливаясь, прошли вперед мимо наших орудий, стреляя на ходу во врага. Через час начали сдаваться немцы.

А стены близлежащих домов становились белыми: чуть не из каждого окна дома и на всех этажах вывешивались белые флаги, белые простыни, наволочки, полотенца и просто белые тряпки. Это было удивительное зрелище, которое в своей жизни я видел в первый и единственный раз: куда ни глянешь и сколько глазом не окинешь – всюду белым-бело, на всех улицах, на всех этажах, во всем огромном городе.

Впервые рассмотрели, почувствовали всем сердцем, что стоит чудесный, солнечный майский день, и вспомнили нашу Родину и праздник Первомая. «Ура!» – Мы победили!

Однако победа досталась нам в этот день ценою невероятных усилий и огромных жертв среди личного состава батареи, причем жертв 2 мая 1945 г., в последний день войны в Берлине. Мы потеряли лучших, некоторые из них воевали чуть ли не с первых дней войны. Они не дожили до Победы всего несколько часов. Нас осталось 12 человек, и среди них наш командир, ставший в этот день Героем Советского Союза, старший лейтенант Синельников Петр Андреевич.

Дейнега Михаил Андреевич

Родился 18 ноября 1916 года, ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденами Красного Знамени; Отечественной войны II степени; Красной Звезды; Славы II и III степени; медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Так началась моя война

Моя боевая биография началась в 1938 году, когда меня – двадцатидвухлетнего парня призвали в Красную Армию. Я был горд тем, что служить доведется в батальоне 56 стрелковой дивизии, созданной еще в годы гражданской войны. В то время бойцов со средним образованием в батальоне было очень мало, а в моей роте я оказался один, поэтому явился просто находкой для политрука. Меня сразу же избрали комсоргом роты и редактором стенгазеты. Но при этом не освободили от выполнения всех обязанностей по службе.

Великую отечественную войну я встретил в звании «политрук». Весной 1941 года штаб нашей 56 дивизии находился в Гродно.

Рядом со штабом был Дом Красной Армии. Здесь часто проводились лекции и доклады о международном положении. В них звучали только оптимистические настроения. Для оживления «сухих» лекций докладчики пересыпали свои выступления жизне-радостными анекдотами. Лучше всего мне запомнился один. Встретились наш Молотов и их Риббентроп. Молотов спрашивает: «Зачем Вы, Риббентроп, разместили на наших границах два миллиона войск?» Немец отвечает: «Мы отвели свои войска на отдых. А вот, Вы зачем придвинули к нашей границе два с половиной миллиона своей армии?» Молотов в ответ: «А для того, чтобы обеспечить вашим солдатам спокойный отдых». Такие шутки всегда вызывали дружный смех в зале и аплодисменты.

Я не помню, чтобы нам говорили, какую страшную силу представляет собой вермахт. Зато местные жители, в основном поляки, только и говорили о скором начале войны и о жестокости фашистов. Наш квартирный хозяин поляк просил меня передать командиру, чтобы они заранее эвакуировали свои семьи, потому что фашисты просто звери и никого не пощадят. Помню, комиссар отмахнулся и сказал, что все это чепуха и немцы никогда не ступят на нашу землю. Тогда я думал также. Как же мы все ошиблись...

В субботу 21 июня 1941 года меня срочно вызвал командир дивизии Ковальский и сказал, что вечером мы должны выехать на вспомогательный пункт управления, который расположен в приграничной полосе Свяцк-Вельки. Все документы партучета, которые я вел, остаются на месте. Причин этого мне комиссар, конечно, не сказал. Уже стемнело, когда мы на полуторке выехали к границе. Проезжаем мимо ярко освещенного Дома Красной Армии. Громко играет музыка, в самом разгаре танцы. На балконе стоит моя сестра Вера (она работала в нашем политотделе вольнонаемной) и машинистка Аня. Обе разгоряченные, веселые. Такими я их и запомнил.

Около полуночи приехали на место. Новостей не было, и мы легли спать. Окна моей комнаты были обращены на запад. Я лежал

и смотрел на огни летнего палаточного лагеря артиллерийского полка дивизии. Палатки вытянуты в строгую линию, дорожки посыпаны песком и окаймлены побеленными бордюрами из кирпича. Помню, подумал тогда, что вся эта красота прекрасно видна сверху немецкими самолетами, постоянно нарушающими нашу границу.

На восходе солнца я вскочил разбуженный сплошным грохотом снарядов, которые взрывались повсюду. На меня сыпались осколки стекла, щепки и даже комья земли. Комната быстро наполнилась душным дымом. Вся территория лагеря была буквально изрыта снарядами. Я побежал на второй этаж, где расположились командир и комиссар. Втроем мы выскочили наружу. Выбежав из здания, я увидел, что на месте палаточного лагеря сплошные воронки от разрывов снарядов, поваленные деревья, на ветвях которых висели клочья палаток. Также внезапно обстрел окончился, стало тихо, но людей нигде не было видно. Я в ужасе подумал – неужели за несколько минут уничтожен весь большой лагерь артполка?

Через несколько минут командир дивизии уехал. Комиссар смотрел на меня и молчал, явно подавленный случившимся. Придя в себя, он приказал мне добраться до Гродно и отправить все партийные документы в Минск. Потом он сел в машину и уехал, наверное, в те части дивизии, которые уже вступили в бой с врагом. Сомнений не было – это не провокация, а уже война.

Главной моей задачей было добраться до Гродно и отправить партийные архивы в Минск, в крайнем случае – уничтожить. В Гродно все документы пришлось уничтожить. Я встретил шифровальщика, который волновался, что не может вручить комдиву шифровку, полученную в ночь на 22 июня о приведении войск в боевую готовность в связи с возможным нападением немцев. Я сказал ему, что шифровка потеряла уже всякое значение. Я поехал в Минск, чтобы выяснить судьбу своей дивизии.

Дороги были заполнены отступавшими в беспорядке войсками,

беженцами, среди которых было много семей командного состава. На одной из дорог мы обогнали подводы беженцев. Я обратил внимание на одну телегу, груженную небогатым крестьянским скарбом. Она почему-то стояла. Это было опасно, так как немецкие самолеты могли возобновить налет. Оказалось, что лошадь в упряжке убита. В телеге лежал мальчик лет шести, тоже убитый. Рядом, склонившись, лежала неподвижно молодая мать. Видимо она пыталась прикрыть собой девочку двух-трех лет, да так и осталась, пронзенная пулеметной очередью с самолета. А девочка, живая маленьким пальчиком размазывает по лицу матери кровь, льющуюся из ее виска. Эта страшная картина навсегда осталась в памяти.

Свою 56-ю дивизию я не нашел и ничего тогда о ее судьбе не знал. Позднее по архивным материалам я выяснил, что почти вся дивизия, а это порядка десяти тысяч человек погибла в сражениях в районе Гродно-Лиды. Именно там был главный очаг сражения Западного фронта 1941 года. В Минске я присоединился к одной из отходивших частей 3-й армии, которой командовал Александр Васильевич Горбатов. Сам командарм в 1942 году дал добро на нашу свадьбу с Елизаветой Филипповной Пастуховой – связной партизанского отряда, с которой мы прожили вместе шестьдесят лет.

Дубровин Василий Алексеевич

Родился 12 марта 1912 г. в г. Армавире Краснодарского края, в РККА с 1938 года, майор медицинской службы, принимал участие в войне с Японией, награжден орденом Красной Звезды.

Майор медицинской службы

Василий Алексеевич Дубровин родился в теплом Краснодарском крае в семье портного и все свое детство провел в пошивочной мастерской, так как строгий отец рано приучал своих детей к труду. И Василий после окончания школы несколько лет провел в швейном цеху. Однако у него была мечта – стать врачом и он поступает в Ростовский медицинский институт. В 1934 году молодой врач получает назначение в далекие края – на о.Сахалин, работал заведующим райздравотделом, был главным врачом больницы. В 1936 году перевелся в Чистополь ТАССР, где и был призван в армию.

Служил в армии 8 лет, включая военные годы. В послужном списке – ответственные должности: старший врач стрелкового

батальона, начальник санитарного поезда, начальник эвакогоспиталя, командир дезинфекционно-обмывочной роты, командир медсанбата и другие.

Военная биография связана с Дальним Востоком, служил в 1 и 35-й армиях 1 Дальневосточного фронта, которые вплоть до 9 августа 1945 г., до начала войны с Японией, прикрывали дальневосточные границы СССР в постоянной готовности отразить продвижение японских войск.

9 августа части Дальневосточного фронта вступили в войну, и за три недели сломили японскую армию, привели Японию к капитуляции. Вторая мировая война закончилась. За участие в военных действиях военный врач Дубровин был награжден боевым орденом – Красной Звездой.

К сожалению, мы не располагаем подробной информацией о боевом пути майора Дубровина, есть только отрывки из его воспоминаний о военном времени.

Здоровье бойцов – главная задача медицинской службы, тяжелейшая работа по лечению раненных, подготовка тяжелых больных для отправки в тыл, операции под разрывами бомб и снарядов, вывоз раненных в санитарных поездах. Не секрет, что фашистов не останавливал красный крест и они бомбили и госпитали, и санитарные эшелоны и другие медицинские объекты.

Василий Алексеевич долгое военное время был командиром обмывочно-дезинфекционной роты, которая предназначалась для проведения по эпидемическим показаниям санитарной обработки и дезинфекции в войсковых частях и соединениях.

Отдельной и весьма серьезной работой военных врачей была профилактика инфекционных заболеваний в частях, что было очень трудно в условиях военного времени: тиф, малярия, отравления и прочие серьезные болезни были смертельно опасны.

В.А.Дубровин вспоминал об одном эпизоде своей борьбы с инфекционными болезнями в армии. В годы войны на Дальний Восток поступало продовольствие от союзников, в этом списке

был белый хлеб. Сначала это восприняли с восторгом, ведь даже в мирное время белый хлеб видели редко. Однако через некоторое время врач Дубровин стал замечать, что его бойцы слабеют, у них выпадают зубы, отекают конечности, многие ходят с трудом. Несколько ночей он просидел за медицинскими книгами, которые везде возил с собой, и понял, что это – цинга, опасное заболевание, вызванное отсутствием «живых» продуктов и витаминов. Принял решение – заваривать еловый настой и пить, благо елей и кедров здесь хватало. Также ввели в рацион бойцов – «живые витамины» – ягоды, шиповник, завезли картошку. Все это помогло преодолеть страшную болезнь.

35-я армия принимала участие в Маньчжурской операции, и командир медико-санитарной роты В.А.Дубровин со своими сослуживцами перемещался вместе со своей частью. Во время одной поездки их машина перевернулась, многие врачи и раненные поломали руки, ноги, а он отделался легкими ушибами, сразу встал и стал оказывать помощь пострадавшим. И через несколько лет эта автокатастрофа даст о себе знать сильными болями в позвоночнике, который был поврежден. Долгое время Василий Алексеевич вынужден был постоянно носить жесткий корсет для поддержки позвоночника.

После окончания боевых действий майора Дубровина отправили в резерв и перевели в санитарное управление Прибалтийского военного округ, он проработал под Ригой до апреля 1946 года, а в июне был уволен в запас.

В мирное время В.А.Дубровин работал в Татарстане, в Чистополе и Бугульме. Был главным врачом СЭС, работал в городском отделе здравоохранения.

Ераполов Константин Федорович

Родился 28 февраля 1923 года в д. Попышово Вачского района Нижегородской области, ветеран Великой Отечественной войны, парторг стрелковой роты, сержант, имеет орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За освобождение Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

Трудные дороги войны

Война застала меня в военном лагере близ города Серпухова, где формировался 1-й дивизион 1029 артиллерийского полка 64 стрелковой дивизии. Меня зачислили топографом. Наше отделение состояло из шести человек, двое из которых уже побывали на фронте, были ранены, из госпиталей направлены в нашу часть. Командиром дивизиона был капитан Колесник. Учились вести привязку батарей к местности и наносить их координаты на топографическую карту, изучали оружие, тактику ближнего боя.

Перед отправкой на фронт инспектировать дивизию приезжал Ворошилов.

Рано утром эшелон двинулся к Туле. До Камышина не доехали, разгружались на станции в лесу и своим ходом двинулись на юг. Остановились в безлюдной деревне немцев Поволжья. Ночь прошла без приключений. Утром было приказано идти вперед. Оказывается, положение Сталинграда резко изменилось. Накануне днем, 23 августа 14-й немецкий танковый корпус с плацдарма на Дону прорвал оборону 62-й армии и достиг берега Волги севернее города и отрезал нам путь к Сталинграду. Вот мы и спешили. А впереди за бугром широким шлейфом поднимался черный дым. Это горел Сталинград.

Дивизион шел позади пехоты по разным путям. Мы шли напрямик по сжатому полю. И вдруг нам навстречу летит немецкий разведчик. Прошелся пулеметной очередью, развернулся и на бреющем полете еще прострочил и улетел в правую сторону. Это был первый немецкий самолет, который я увидел, не доходя до линии фронта.

Засветло вошли в село Ерзовка. Прошли по балке вверх и приступили к рытью окопов. Наступило утро августа 1942 года. Началась трудная битва за Сталинград.

В сентябре в район Ерзовки стали подходить свежие войска, включая 66-ю армию под командованием Малиновского, в состав этой армии включили и нашу 64-ю дивизию. Прибыл сюда и генерал Жуков как представитель Ставки для координации действий северной группы войск. Наш дивизион, а стало быть, и полк, перемещался постоянно то вправо, то влево, где готовился и проводился прорыв вражеской обороны.

Попытка прорыва не удастся и опять передвижка, опять станем землякопами и строителями. И так за сентябрь и октябрь окопами, щелями и блиндажами заполнили все балки и отроги. Приходилось не раз возвращаться в одни и те же места.

Недавно я прочитал книгу А. Исаева «Сталинград», изданную

в 2008 году. Из нее я узнал, что с 1 по 30 сентября северная группа войск Сталинградского фронта потеряла 123627 человек, из них на в 66-й армию приходилось 7566 человек. Не знаю, была ли где еще такая мясорубка, а эта происходила на моих глазах. Я ежедневно, ежечасно чувствовал ее своим нутром.

Получил письмо от мамы, в котором она сообщала о том, что хотела повидать меня, молитвенное слово напутствия сказать перед отправкой на фронт, но не успела. Подкосились ноги матери, она присела и горько-горько зарыдала, читая это письмо, я не удержался, закрыл лицо ладонями и заревел. Это были мои первые слезы на фронте.

В последних числах сентября нашу северную группу Сталинградского фронта преобразовали в Донской фронт. Мы продолжали оставаться на прежних местах и выполнять те же задачи. Немцы торопились до зимы занять Сталинград, но наш фронт мешал этому, по выражению Чуйкова – «держал Паулюса за уши». Давалось это большой ценой.

Особенно свирепствовала авиация. Для устрашения самолеты сбрасывали железные бочки, обрубки рельс, визг от которых сводил человека с ума. Я не раз попадал под такой визг, широко открывал рот и зажимал уши ладонями. Тем и спасал ушные перепонки.

В холодные январские дни, когда Паулюс отверг наши предложения о капитуляции, войска Донского фронта пошли в наступление. Настала очередь и нашему дивизиону сниматься с насиженных мест. Шли напрямик по направлению к поселку Городище. По ночам останавливались на отдых в оборудованных немецких блиндажах. До Городищ не дошли – его до нас освободила другая часть и нам приказали остановиться. Днем мы повернули влево к южной окраине Орловки.

Рядом вниз по балке была вырытая в земле пещера человек на 30, в ней находились раненые немцы, которые безмолвно лежали и с испугом смотрели на нас. Вышли из этого лазарета и тут

же, за углом, стояла поленница... нет, не дров, а ...человеческих трупов! Не верилось глазам, что такое может быть даже на войне. Они рвались в Сталинград и нашли себе вечный приют в оврагах. Вот она, расплата за Сталинград!

Пройдя километров 30 по заснеженной степи, дивизион стал ждать эшелон для погрузки. Эшелон тронулся, а я долго смотрел на эту жуткую картину. Всю дорогу до Москвы ехали с воспоминаниями о Сталинграде. Никто не верил, что остался жив в жуткую пору лета и осени 1942 года. Пару раз в наш товарный вагон приходил майор Лихачев и рассказывал о положении на фронтах, о трудовых успехах тыловиков. В остальное же время отсыпались и писали письма.

Наконец-то, Москва. Эшелон поставили на запасной путь окружной железной дороги, где и простояли неделю. Затем эшелон отправился на Запад. Выгрузились у Сухиничей в густом сосновом лесу. Мы оказались в новых условиях относительно безлесных Сталинградских степей. Здесь тоже покоя не было. Переброски, попытки прорвать оборону и улучшить свои позиции. Нелегко это было в условиях глубокого снега.

Но наступило лето. Мы со штабом дивизиона стояли на окраине города Кирова. На Курской дуге немцы решили взять реванш за поражение под Сталинградом. Нас срочно стали перебрасывать через Думиничи к реке Жиздра, на южном берегу которой немцы держали оборону.

В 3 часа 20 минут 13 июля началась артподготовка. Я стоял на посту у штаба дивизиона и слышал, как после залпа катюш, справа, слева, сзади, загрохотало, завылло, загремело и превратилось в сплошной гул и грохот. И так продолжалось ... 2 часа 45 минут – в два раза дольше, чем при контрнаступлении под Сталинградом.

В тот день прошли мы километров 12 по направлению на Брянск и остановились перед новой линией обороны. Потом нас потеснили прибывающие войска вправо к оврагу, и здесь Курская битва для дивизиона закончилась. Поступил приказ повернуть

назад в горд Киров, а оттуда в наступление на Рославль. Переправились через спокойную Десну, проехали по Рославлю, до реки Сож. За рекой Сож начиналась Белоруссия. Как это радовало наши сердца!

Мы дошли до речки Проня и здесь, чуть левее города Чаусы, заняли оборону до лета 1944 года. За период долговременной стоянки в дивизионе на штатную должность прибыл парторг. В октябре 1943 года меня приняли кандидатом, а в феврале 1944 года членом партии ВКП (б). Командование 64-й дивизии принял Герой Советского Союза генерал-майор Шкрылев.

Летом 1944 года без особого труда форсировали узкую, но очень глубокую Проню. Через Днепр переправлялись на лафетах по зыбкому понтонному мосту. Могилев был уже занят нашей пехотой.

Ночью ехали по лесной дороге. Видно задремал я. Колесо гаубицы наехало на кочку или пень и меня с лафета свалило прямо под колесо. Оно проехало по обеим ногам выше лодыжек, но кости остались целы. Грунт здесь оказался мягким, место болотистое и ноги просто вдавило в землю.

Тут же закричали, колонну остановили, развязали обмотки, сняли ботинки и меня с опухшими, как бревна, ногами посадили в кабину рядом с трактористом. С меня ручьями лил пот, кажется, тут я потерял сознание. Потом меня где-то пересадили на повозку под присмотр санитары и старшины.

Запомнилась переправа через Березину. Я много читал о войне с Наполеоном, и мне лестно было видеть своими глазами эти исторические места.

Вскоре нас (несколько человек) вызвали в политотдел дивизии. Принимал нас подполковник. Он заявил, что всем здесь собравшимся бойцам присваивается звание сержанта, и каждый назначается парторгом стрелковой роты. Я был определен в 1-ю роту, 1-й стрелковой дивизии.

Командир 1-й стрелковой роты старший лейтенант Батурич относился ко мне лояльно. Представляя меня командирам взво-

дов, непременно называл сталинградцем, видимо потому, что в роте не было ни одного, кто сохранился после битвы на Волге. Это повышало в роте мой авторитет.

Начинал я с того, что рота удерживала позиции и не пропускала немцев на запад из Минского котла. Это тех самых немцев, 57600 которых 17 июля проконвоировали через Москву.

Вскоре нас сняли с фронта и дали приказ всей дивизии пешим строем следовать в Люблин. Город расположился на высокой горе, у основания которой были построены ряды деревянных казарм. В них и разместился наш батальон. 1-й роте отвели 4 корпуса с учетом пополнения. За месяц – полтора 1-я рота пополнилась рядовым и командным составом до полной штатной численности. Командиром роты старший лейтенант Зардышев, а пулеметчиков – старший сержант Саркеев.

По ночам рота охраняла склад, а днями выходила на полигон. Так без особых происшествий дожили января 1945 года.

В ту ночь нашу роту подняли по тревоге и по проселочным дорогам направили к Висле. Позднее я узнал, что эта спешка с переправой была вызвана просьбой Черчилля к Сталину, выручить союзные войска, попавшие в тяжелое положение в Арденнах.

В лесу нам дали возможность отдохнуть и пополнить роту. Мы превратили это место стоянки в военный лагерь – наделали землянок, строевую линейку, вокруг защищенные посты и стали готовиться к решающим боям. Командира роты прислали из резерва старшего лейтенанта Мочалова с двумя орденами Красного Знамени. Командиром первого взвода стал старший лейтенант Мордвинов. Из политотдела прислали комсорга сержанта Пучкова. Пополнялась рота в основном призывниками 1926-го года рождения.

Каждый день в лагере был очень плотным. Даже по ночам выходили на полигоны или на форсирование речки. За 2,5 месяца стоянки рота окрепла, поднялся ее боевой дух.

В ночь на 15 апреля рота покинула лагерь. Шла крайне осторожно. Ведь шли уже по немецкой земле, часто проходили мимо безмолвных селений, боялись мин, хотя знали, что по этим дорогам мы идем не первыми. Через сутки мы вышли на берег Одера.

За Одером мы попали в сплошной лесной массив с мелкими оврагами, речушками и даже искусственными каналами шириной до 10 метров. И при каждой преграде нас встречал пулеметный огонь. Фронта, как такового, здесь не было, враг появлялся то справа, то слева, а мы шли на обхват Франкфурта. Штурм этого сильно укрепленного города не удался, и нас повернули на запад.

К концу апреля южнее Берлина сложилась сложная ситуация. Здесь немцев окружили, и они мелкими частями пытались выйти из котла, уходя на запад. Параллельно им шли и мы, чтоб не выпускать их из окружения.

Скоро командир дивизии генерал Шкрылев объявил, что мы подошли к предместьям Берлина и нам предстоит в столице рейха закончить войну.

Наша рота шла строго по намеченному на топографической карте маршруту с севера на юг седьмого сектора Берлина. По улицам пройти было невозможно – без перерыва строчили пулеметы. Начали пробиваться внутри зданий сквозь стены.

Как то днем вышли по проломам на широкую лестницу парадного подъезда. Впереди 4 колонны и открытые ворота на широкую улицу. Наша тройка стала подходить к воротам, чтобы осмотреть улицу, как позади со второго этажа послышалась русская речь: «Товарищ! Гитлер капут!» – и белая тряпка на палке. Мы сразу бросились за колонны, дернули затворы автоматов, а ротный крикнул, чтобы выходили к лестницам, одновременно дал сигнал на выход дежурного взвода.

И вот из подвала показалась сначала белая тряпка, а за ней с поднятыми руками один за другим 14 старших офицеров. Впереди был майор, сносно говоривший по-русски. С ним то и общался Мочалов. А когда пленные были готовы к отправке, майор

попросил Мочалова сбегать за пайками, тут же разделил на всех и тогда взводу поручили доставить их в штаб батальона. Пришлось вести не по улице, а по тем же проломам. На пути к цели попался нам широкий дом.

Командир роты побежал на второй этаж, а я встал на колени у разбитого окна и с подоконника стал рассматривать панораму впереди. Широкая магистраль, за ней ажурная чугунная ограда вдоль канала, а слева не взорванный мост.

Командиры роты и взводов спустились на первый этаж и стали решать, как прорываться через канал. В этот момент Мочалов крикнул: «Парторг, за мной!», выпрыгнул из разбитого окна и стремглав бросился к мосту. Мы сумели добраться до подъезда, который был забит перепуганными мужчинами и женщинами. Они расходились, покорно уступая нам дорогу. Но нам путь преградила капитальная стена, а фаустпатрона под рукой не оказалось и нам пришлось возвращаться. Выбежали на улицу и по тропке вдоль дома гуськом подались к другому подъезду. И тут из подвала грохнул выстрел. Меня кольнуло в грудь. Я достал парабеллум, взвел зубами курок, дважды выстрелил в воздух, дав сигнал об опасности. Сзади ко мне подполз ординарец, своим бинтом перевязал спину поверх гимнастерки, сообщил, что Мочалов подорвался на mine и пообещав скорую помощь, пополз по кювету к подъезду.

Секунды казались вечностью. Но скоро ко мне подбежали гражданские немцы с носилками. Так как я не мог лечь, меня поставили на четвереньки и бросились бежать. А из подвала один за другим послышались выстрелы. Пуля пробила мне руку, но узнал я об этом только на операционном столе. Это произошло вечером 30 апреля 1945 года примерно за три часа до водружения над рейхстагом знамени Победы.

Зарипов Халим Зарипович

Родился 9 июня 1926 года в д. Нижняя Ошма Мамадышского района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, награжден орденом Отечественной войны.

Родился я в крестьянской семье, в 1941 году окончил Нижне-ошминскую неполную семилетнюю школу, в том же году началась война. На фронт ребят 1926 года рождения в начале войны не брали, а добровольцем в августе 1941 вместе с парнями из деревни года ушел мой брат Шакур. Отучившись в полковой школе г. Покрова, он стал командиром взвода.

12 марта 1943 года брат погиб. Матери принесли письмо о его смерти. В нем было написано следующее:

«По имеющим у нас сведениям, Ваши земляк, сержант гвардии Зарипов Шакур, при освобождении нашего села Вовна Сумской области, погиб смертью героя 12 марта 1943 года. Он был похоронен в братской могиле. В этом месте поставлен памятник вечной славы героям, погибшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Погиб при следующих обстоятельствах:

К марту 1943 года село Вовна было занято венграми.

В первой декаде марта 1943 г. 12-ый кавалерийский полк подошел к селу Вовна. Жители в панике бежали от села. Село было занято кавалерийской частью.

12 марта в 9 часов утра фашист бросил против кавалерийской части большую технику: танки, самоходные орудия, бронемашины, авиацию и живую силу.

Подожгли снарядами село. В 11 часов возник ужасный пожар.

Командир полка дал команду отступить на другую позицию для обороны, т.к. превосходство сил было у фашистов. На юго-восточной окраине села в неравном бою, храбро сражаясь, погибли сержант гвардии Зарипов Шакур и другие войны.

Вечная слава героям, отдавшим свою жизнь за нашу родину, за наше счастье!

Секретарь комсомольской организации Вовнянской средней школы».

Семья тяжело пережила гибель брата, но время было военное, долго горевать не было возможности.

Сам же я до 1943 года работал счетоводом-табельщиком в Нижнеошминском колхозе «Кызыл флаг». В июле 1943 году я заболел малярией и выздоровел лишь в сентябре. После выздоровления меня вызвали на комиссию и призвали годным к строевой службе. Однако после комиссии офицер заявил: «На полгода оставляем вас на выздоровление!». Но мне не хотелось оставаться, тем более на фронт отправлялись все мои друзья.

После призыва в январе 1944 года нас отправили под Москву в формирующуюся артиллерийскую дивизию. Получили пушки, оружия. Стали заниматься учебой по стрельбе. Обучаться было очень трудно, но мы все выдержали. Я был назначен 5-ым орудийным номером и установщиком-взрывателем. После обучения, летом 1944 года, нас отправили на фронт. Под руководством командира дивизии – полковника Богатова, командира полка – майора Швеца, командира батареи – старшего лейтенанта Ляшкова все мы защищали нашу Родину.

Наш боевой путь начался в начале ноября 1944 года под Варшавой. Мы, хорошо обученные солдаты, стреляли по самолетам и были очень довольны, сбив самолет противника. После освобождения Варшавы вошли в город. До конца войны мы оставались там, так как нашей дивизии было поручено охранять переправу через реку Вислу. В ночное время была стрельба. Противники старались бомбить переправу, но особых успехов это не приносило. В Варшаве мы узнали о Победе. Радости не было предела.

После войны меня направили на Дальний Восток для продолжения службы в авиационную часть. Служил воздушным стрелком на самолете. Потом стало портиться зрение. Пришлось перейти в штаб, стать писарем. И до 1951 года, когда я был демобилизован, я так и работал на этой должности.

Путь домой был долгим. Вернувшись в родной район, стал работать водителем автобуса в Мамадышском автотранспортном предприятии. Целых 34 года работал там. После ухода на пенсию стал членом совета ветеранов. В данное время проживаю в г. Мамадыш с супругой Александрой, детьми, внуками и правнуками.

Ильин Евгений Петрович

Родился 28 февраля 1923 года в г. Казани, ветеран Великой Отечественной войны, полковник, ветеран ОМСБОН, СМЕРШ, награждён орденами Отечественной Войны 1-й и 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы».

Мы верили, что победим!

В 41-м году я три месяца обивал пороги военкоматов: просился на фронт. Работал телеграфистом, и потому все-таки был «забронирован»: «связь» на дороге не валялась. Но Татарский обком комсомола направил меня учиться в школу НКВД. Расстроился, конечно. Со временем с мыслью о школе свыкся, думал, ну ладно, подучусь – и на фронт.

Когда мне в Казани вручили направление, я сразу пошел на работу к матери сказать, что уезжаю. Она была экспедитором в пекарне, которая находилась во дворе Богоявленской церкви, на улице Баумана. Увидев меня и узнав эту новость, она страшно расстроилась, но не заплакала, а выглядела какой-то растерянной.

Отправляться мне следовало немедленно, и она проводила меня до кинотеатра «Электро» (ныне «Родина»). Так вот и расстались.

В вагоны грузились командами. Старшим в нашей команде был Загир Гайнанов, который до войны работал на железной дороге заместителем начальника политотдела и отвечал за комсомольскую организацию, как бы сейчас сказали, кодировал ее. Возрастом он был постарше многих, в людях разбирался. В общем, надежный парень, потому нас ему и доверили.

Прибыли мы в Москву. И вовсе не в школу НКВД. Зачислили нас, несколько сот комсомольцев из Тулы, Ярославля, Рязани, Курска, Пензы, Саратова, Казани, с Урала в ОМСБОН – отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР. Формировалась она на стадионе «Динамо» из представителей самых разных слоев населения: рабочих, крестьян, интеллигенции, много было студентов и преподавателей института физкультуры, спортсменов. В бригаду вошла группа политических эмигрантов-антифашистов из Испании, Германии, Болгарии, Венгрии и других европейских стран.

После войны стало известно, что в частях и подразделениях моей родной бригады воевало много выдающихся людей. Например, известные легкоатлеты братья Знаменские. Их памяти посвящен ежегодный московский мемориал. Лыжница Любовь Кулакова. Оттуда же, из бригады, был непобедимый боксер-тяжеловес Николай Королев, в войну – рядовой разведчик, часто работавший своей «колотухой» в бою. А Николай Кузнецов, он же Пауль Зиберт, легендарный советский разведчик из отряда Дмитрия Медведева, действовавшего «в лесах под Ровно». В Набережных Челнах живет бывший «медведевец» Серафим Афонин. Не знаю, как сейчас, но долгое время он был заместителем председателя совета ветеранов города. А еще, у меня есть книжка «Ненависть, спрессованная в тол», одним из соавторов которой был мой близкий друг – Александр Казицкий. Правдивая книжка. В ней много того, чего мы во время войны не знали, и

знать не могли о нашей бригаде, ее работах, героях, повседневно творивших подвиг и Победу.

Что подразумевалось под словом «особого», никто из новобранцев не знал. Но нечто таинственное истораживающее было. Хотя все тайны сходились в одной: «когда на фронт и что завтра?» да еще «убьют – не убьют». Позже мы узнали, что в задачу ОМСБОНа входили разведка, диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидация вражеской агентуры, развитие и расширение партизанского движения, создание подполья и сплочение патриотов в тылу врага. Под таким названием воевала бригада до октября 1942 года. Затем ее переименовали в связи с переходом на спецзадания высшего командования и действиями в тылу врага. Но в памяти переживших войну остались «омсбоновцы». Это пароль и пропуск нашего братства. Под плакатом «ОМСБОН» мы много раз собирались в Москве на День Победы.

Курс «молодого бойца» согнал сто потов. Готовили нас на базе Высшей пограншколы. А через месяц – фронт и битва за Москву. Задача была «простой» – уничтожить живую силу, вооружение и технику, ломать планы противника, сеять в его рядах неуверенность, давить психологически. Минировали дороги на подступах к столице, под обстрелом, под бомбежкой.

На подступах к Москве по приказу командования создавалась «сплошная зона заграждений». Любыми подручными, инженерными средствами перекрывали Ленинградское, Дмитровское, Рогачевское, Наро-Фоминское, Волоколамское и другие шоссе. Я был на Можайском. Земля успела промерзнуть. Долбили ее киркой и ломом, чтобы вырыть шурфы для установки фугасов. Минировали мосты, трубопроводы и так далее. По ночам ходили в разведку, проводили диверсионные вылазки, налеты.

Москва была готова не только к осаде, но и к боям за каждую улицу, за каждый дом. За подразделениями бригады они уже были закреплены. Но мысли о том, что Красную площадь будет топтать

немецкий сапог, никто из нас не мог допустить. Мы верили, не сомневаясь ни на секунду, что победим.

Вдруг стали куда-то отбирать высоких, подтянутых, с хорошей выправкой. В число «ладных» попал и я. Снова по Ленинградскому – в Москву. Расположили на Малой Бронной, кого на Никитской. Время – конец октября. В наших подразделениях 2-го полка ввели строевые занятия. Маршировали и отрабатывали приемы с оружием на набережной Москвы-реки, около Крымского моста. Мы не понимали, в чем дело.

Стали гонять строевой подготовкой с утра до вечера. Артналеты, бомбежка не прекращались. Когда стояли на Малой Бронной, бомба рванула так, что здание, в котором мы находились, аж закачалось! Бомбили то и дело. Мы уж и в бомбоубежище бегать перестали: привыкли. Но все дни, с утра до ночи шагистика. Зачем – ума никто не мог приложить. Ругались про себя: «Ребята гибнут, а мы здесь: «Левой! Левой!»; «Выше ногу! Тяни носок!»

Сводный полк НКВД сформировали из батальонов 1-го и 2-го полков ОМСБОНа, из солдат 9-го полка 2-ой дивизии войск НКВД. Командиром этой части назначили Сергея Иванова, а комиссаром – Сергея Стехова. Они подготовили и ввели «омсбоновцев».

7 ноября в 4 утра полк построили в полном снаряжении. Перед этим сытно покормили. На каждом бойце по два патронташа, противогаз, граната, винтовка. И пешим порядком к Манежной площади! Так начинался парад. Порывистый ветер, лепил снег. В 8 часов торжественным маршем, равняясь на правофлангового, который смотрел только прямо перед собой, мы продефилировали мимо Мавзолея. И я видел Сталина. Он приветствовал нас. Это было событием, счастьем на всю жизнь. А для правофлангового драма: он никого и ничего, кроме затылка в передней шеренге, не видел.

Вернулись. Не сразу на фронт. Обычно говорят, что с Красной площади, с парада подразделения отправлялись прямо на фронт. Мы, например, вернулись в расположение. Нас ждал обед. Отдохнули, как следует. А на позиции прибыли через сутки.

Бросали нас на разминирование минных полей, своих и оставшихся от отступивших немцев. Много там ребят полегло, много покалечилось на минах. Ведь просто сказать «разминировать». Даже если есть карта, схема закладки мин, ставил то их один человек, а снимает другой. Погодные условия: ставили посуху, а снимать доставать из-под снега. Где-то она во льду, где-то оползнем сдвинуло. Хоронили их тщательно. Вот и снимает сапер вроде бы свою, а она уже «не своя». Что говорить о немецких. Подрывались: и калечились, и на смерть. Мне везло.

Что на войне тяготило плюс ко всему, так это «бездомность»; ни стен, ни крыши над головой, ни обогреться, ни посушить одежду, ни выспаться, и ни конца, ни краю этому не видать. Находясь под Москвой, постоянно ждал писем из дома. А их месяц, второй, третий – нет. Переживаю страшно. Ну что там, пацан, восемнадцать лет. Только от мамки оторвался. Все знают, что я жду писем. И вот однажды прибегает один – почта пришла – машет у меня перед носом письмом: «Пляши!» В окопе не повернешься, какое там «пляши»! Отдал. Ребята за меня довольны: Женька наконец письмо получил.

Открыл я конверт, а там – приговор суда. Мать за кражу хлеба приговорили к восьми годам ссылки. Представляете мое состояние. Как? Что? Не может быть? А как узнаешь, чем поможешь из-под Москвы, с фронта?! В письме она пишет: когда меня проводила, вернулась, а у нее украли 152 буханки хлеба!

Ну, политрук, конечно, в курсе дела. «Не сомневайся, – говорит, – мы тебя знаем. Давай пиши письмо Калинину». Мне бы и в голову никогда не пришло «писать письмо Калинину». Ну, под его диктовку, я написал, как надо. Политруку всю жизнь благодарен. Послал. Что вы думаете? Дело матери суд пересмотрел. Преступление, совершенное ей переквалифицировали со статьи «за кражу» на статью «за халатность», предусматривавшую год и два месяца исправительных работ. Сослать к тому времени ее еще не успели. Она отбывала наказание в Свияжской колонии, про-

шло с момента первого суда девять месяцев, почти определенный вторым судом срок, и ее освободили вообще.

А я продолжал воевать. 20 декабря 41-го под Можайском. Я сидел в кузове машины. Немец летел бомбить Москву. Тучами над нами плыли бомбардировщики. От одного их гула становилось тошно. Вдруг видим: два наших «ястребка» врезаются в их строй! Один из них они подожгли. А другой сбил ведущего, сразу завалил второго! Видимо, опасаясь подкрепления нашим истребителям, ряды бомбардировщиков дрогнули, и стали они разгружаться на наши головы. Откуда чего летело, куда упало – не слышал и не видел. Как долбануло! Очнулся в санчасти. Врачи объяснили, что меня контузило. Через недельку очухался. Все прошло. Молодой был. А потом голова болеть стала, ухо беспокоит, к перемене погоды особенно.

И все-таки суждено мне было учиться. Направили меня в 1943-м в Куйбышев, в школу НКГБ, куда ее эвакуировали из Ленинграда. По окончании присвоили звание лейтенанта. Служил на освобожденной территории Брянской, Гомельской областей, в Борисовском, Вилейском, Молодечненском районах. В основном боролись с бандитизмом.

Работал в СМЕРШе. Была такая «организация» «Смерть шпионам». На фронте, в тылу, в среде своих сотрудники СМЕРШе были заняты, главным образом, «фильтрацией», выявлением людей «нелояльных» к власти. Пленных, «лояльных» к нам, отделяли от отпетых фашистов. Раскрывали заговоры, подготовки к побегу, выявляли злоумышленников.

Такой однажды случай был. 43-й год. Орловская область. Трубчевский район. Такой сложный, столько там бывших полицаев, агентуры на немцев работало! Служил я в НКВД Белоруссии. Выполнял задание. Мотаюсь по селу «не пришей кобыле хвост». Одет, мягко говоря, небрежно, даже подозрительно: на плечах – немецкий френч, из кобуры торчит рукоятка маузера. В те времена, правда, какого только люда не шаталось. Одеждой удивить было

трудно. Вышел к центру – обомлел! Посреди деревни, на лужайке, пианино стоит! Подошел, играть немного умел, стал тренькать. Вдруг, будто из-под земли, выросли «ястребки» из партизанской разведки! «Хенде Хох!» Повязали. Никак не мог убедить, пока удостоверение не показал. Слух пошел: какую птицу поймали!

Однажды в Западной Белоруссии, в Поставском районе, мы «пасли» бандита, прогремевшего на всю округу своими «подвигами». Поехали с товарищем к нашему агенту. Получили от него сообщение, что вьется «подлый» возле родного дома.

До райцентра километров 25. Красотища! Озерный край. Прибыли. Решили помыться в бане. Собрались уж. Вдруг мой напарник, он же старший группы, говорит: «Ты пока мойся, а я пойду, возьму его». И живо ушел. Что вы думаете? Полчаса не прошло – ведет! Тот тоже собирался мыться. Напарник его взял, в чем мать родила! Один на один. Довольный такой, неугомонный, решительный. Уговорил хозяев дать ему лошадь. Мне говорит: «Я с ним в райцентр, а ты оставайся здесь. Могут хватиться, искать, устроят погоню. Прикроешь, чтоб не догнали, в случае чего. А я доберусь, тебе подмогу пришлю».

Сижу, жду бандитов. Присматриваюсь, прислушиваюсь к каждому шороху. Слышу, кто-то идет. Куда?! Как был в телогрейке – раз за печку! Замер. Вошла женщина. По голосу понял. Так-то не вижу. Заговорила с хозяйкой. Жена арестованного. Плачется на судьбу. Хозяйка ей сочувствует. Слово за слово – час проходит, другой. Разные темы обсудили. Я же не шелохнусь: выдавать мне себя нельзя, а вдруг она проверяет, нет ли у соседки засады. Тело онемело! Пот в три ручья! Телогрейка насквозь! Мокрый какмышь! Печка натоплена. Пытка! Думал, умру. Вечность прошла, пока бабы языками чесали. Я их возненавидел. Только я из-за печки выпал, мне и подмога из райцентра подоспела. В жизни всегда есть место подвигам!

Немцы в плен обычно сдавались, срывая погоны, переодетыми, чтобы скрыть свое звание и принадлежность к части. В «беседах»

с польскими, белорусскими националистами, русскими предателями выяснялось, как они охотились на советских солдат, издевались над ними. Одного паренька, нашего сотрудника Виктора Самодурова, бандиты закопали живым. А на поверхности, то есть, у него над головой, развели костер и все выжгли. Нашли мы потом среди местных свидетеля. Он нам показал ту яму. Перезахоронили. Дело было, приблизительно, на границе Молодечненской и Гродненской областей.

В декабре 44-го я был направлен в Управление контрразведки 2-го Белорусского фронта. Последнее место моего пребывания на немецкой земле г. Штеттин, тогда еще нами не взятый.

Кабанов Александр Васильевич

Родился 2 ноября 1927 в д. Городок Алексеевского района Татарской АССР, на фронте с февраля 1944 г. Принимал участие в освобождении Прибалтики, боевых действиях на Дальнем Востоке. Имеет боевые награды, в т.ч. орден «Отечественной Войны» I степени.

Длинными дорогами войны

Меня призвали на фронт в возрасте семнадцати лет. Мою судьбу решил один сантиметр роста. Ведь на службу не брали, если мужчина был меньше 150 сантиметров. В то время мой рост был 151 сантиметр. Этот сантиметр навсегда изменил мою жизнь.

Из родной деревни меня и других призывников повезли в Ульяновск. Мы, молодые и непривыкшие к лишениям парни, жили в полуземлянках, которые только назывались казарма. Нас кормили плохо – щами, в которых не было ничего кроме капустной кочерыжки. В общем, жилось нам несладко. Однако мы не падали духом, были молодые и очень озорные. Как-то в сильный мороз

нас в тонких шинелях выпустили на пробежку. Спустя некоторое время мы увидели женщину, которая стояла за забором, ограждающим нашу базу, и торговала ароматными горячими пирожками. Недолго думая, мы перемахнули через забор, опрокинули корзину женщины и стали собирать пирожки, заставившие нас так нечестно поступить. Женщина подняла шум, к ней подбежал наш взводный, успокоил ее, а нас наказал. Но оно того стоило – это были самые вкусные пирожки.

8 февраля 1944 года нас перевели в Литву. Тогда там, в литовских лесах, орудовало формирование прибалтийских националистов «Лесные братья». Они прятались в лесах и убивали красноармейцев. Жили они в бункерах.

Со станции, на которой нас высадили по приезду в Литву, мы должны были пройти 120 километров до Вильнюса. На службе в Вильнюсе мы занимались, в основном, строевой и тактической подготовкой.

В конце ноября из военного городка нас отправили в центр Вильнюса. Эта часть города оказалась очень красивой. На главной башне города развевался флаг, вдоль улицы протекала река Вилейка, на углу красовался католический собор. Оттуда мы должны были пройти 70 километров до города Алитус. Мы шли не в строю, а в линиях по 2-3 человека, так как в строй могли бросить гранату.

Наша база была в пригороде Алитуса. Вокруг города располагались густые леса, и мы должны были срубить там деревья.

Как-то раз один из наших солдат вернулся из леса, ведя связанного «лесного брата». Нашему удивлению не было предела. Как он мог обезвредить хорошо вооруженного и очень хитрого нациста? Как оказалось, солдат отвлек его разговором, ударил по голове и связал. Таким образом, у нас появился пленный.

Ночь после этого события прошла спокойно. Утром мы отправились в лес работать и, вернувшись, обнаружили пленного с пробитой грудью. Мы узнали, что «Лесной брат» пытался сбежать.

В тот день на страже остался мой боевой товарищ – Василий, у которого на пальце был нарыв. По словам Василия, пленный освободился от веревок и прыгнул в окно. Но Василий схватил его, но долго удерживать не мог, из-за его травмы. «Лесной брат» освободился и побежал в лес. Василий схватил ружье, выстрелил по убегающему, но не попал, выстрелил второй раз – мимо. Солдат присел на колено и из такого положения безошибочно выстрелил в скрывавшегося за деревьями пленного. Этот нацист был разведчиком, и если бы он сбежал, то последствия могли бы быть ужасными. Васе была объявлена благодарность.

А мне однажды тоже объявили благодарность. Дело было так. Мы должны были бежать с полной выкладкой, с шинелью на плече. Вышли походным шагом, и тут голос помкомвзвода: «Бегом, марш!» Все понеслись. Я выдохся и меня под руки довели до места назначения. Мы отдохнули 2 часа и отправились обратно. Я был невысокого роста и шел в середине строя. И тут снова голос помкомвзвода: «Песню запевай!» Строй молчал. И вдруг из середины строя раздается строевая песня, исполняемая мной в одиночку. Я решил выручить своих товарищей. Командир остановил батальон, поставил меня в первый ряд и назначил запевалой. Мне была объявлена благодарность.

В апреле 1945 г. к командиру нашего полка должна была приехать мать. Он послал в город Каунас адъютанта и шофера, чтобы те встретили ее. Но обратно никто не приехал. Подняли тревогу, начали прочесывать территорию. В результате, машину с тремя пассажирами нашли в реке. Недалеко располагались бункеры «Лесных братьев». Мы поняли, что случилось.

Из Литвы нас отправили на Дальний Восток. Мы ехали 25 суток. В городе Комсомольск-на-Амуре мы оказались в конце мая. Вокруг простирались сопки – было очень красиво. Там нас распределяли и меня отправили на Сахалин.

Мы переплывали Татарский пролив и попали в качку. Во время плавания нам давали северную норму и 50 грамм водки. Но

какая там водка! Всех сильно качало, и никто не мог думать о пище. Мы пришли в город Корсаков, качка продолжалась и на суше. Нас погрузили в вагоны и повезли в воинскую часть.

Воинская часть располагалась вблизи Охотского моря, и на побережье всегда плавало много икромечущей рыбы. Некоторые ребята, служившие со мной, отлавливали эту рыбу, выдавливали из нее икру, солили и ели прямо сырой.

Великая Отечественная Война закончилась в мае 1945 года. В это время я был в Литве. Мы узнали об этом в 4 утра. Шум по расположению разбудил нас. Мы не могли понять, в чем дело. В недоумении все соскочили с кроватей. И вдруг мы услышали: «Победа!!!»

Но для меня война закончилась лишь в августе 1952 года. Всех, кто служил на Сахалине, на Чукотке, отправили во Владивосток. Весь город был наполнен отслужившими солдатами. Только в 1953 году я вернулся в Казань.

Камакаев Нази Гатауллович

Родился 25 сентября 1927 года в д. Бичурино Бардымского района Пермской области, ветеран Великой Отечественной войны, участник Хингано-Мукденской операции по разгрому Квантунской армии 9августа – 2 сентября 1945 г., рядовой стрелкового полка, имеет боевые награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Японией».

О начале войны я узнал от друзей в первый же день. В июне 1941 года успел закончить 6 классов. Несмотря на трудности военного времени, в 1942 году я окончил семилетнюю школу.

В 1944 году я был призван в действующую армию. В начале ноября мы прибыли в снайперскую школу г. Красноуфимска Свердловской области. После окончания двухмесячных курсов в январе 1945 года нас отправили на фронт. Я попал в 1136 стрелковый Краснознаменный Кенигсбергский полк 338-й стрелковой Неманской дивизии.

В апреле 1945 года город Кенигсберг был взят. А в июне 39 армия

была переброшена в Монголию по железной дороге. Выгрузили, а вокруг ровная степь. Нам пришлось идти через тысячекилометровую безводную степь по Монголии, Манчжурии. Было очень жарко, шли мы по сорокаградусной жаре в полной боевой готовности по 50-60 километров в сутки. Воды не было. Шли колонной в ночное время, так как в это время было прохладнее. Я не верил, что на ходу можно спать, оказывается можно. Засыпая на ходу, выходишь из строя и идешь в другом направлении, проснувшись, быстро снова становишься в строй.

После безводной степи начались нескончаемые горы. Затем – укрепленные районы японцев в Манчжурии. Этот суровый путь должен был вывести армию в тыл врага. Двигающаяся нам навстречу из Владивостока часть бомбила миллионную армию японцев. Поэтому между городами Харбин и Мукден мы практически передвигались по трупам японцев.

Для меня война закончилась в городе Порт-Артур 3 сентября 1945 года в воинской должности стрелка, в воинском звании рядового того же полка той же дивизии.

За всю войну не получил ни одного ранения. Путь домой был долгим и трудным. Возвращался с войны через Дайрен, Мукден, Харбин, Читу, Новосибирск, Томск, Пермь. Демобилизовался 15 июля 1951 года из Порт-Артура. В районный центр Барда Пермской области я прибыл 8 августа 1951 года по истечении срока военной службы. После возвращения из армии начал работать в колхозе. Окончил ветеринарный техникум, на протяжении 20 лет работал заведующим ветеринарным участком. 8 лет был секретарем партийного комитета колхоза, затем столько же председателем Бичуринского сельского совета.

Касимов Миргасим Абелкасимович

Родился 4 октября 1916 г. в Азнакаевском районе Татарской АССР, старший лейтенант, артиллерист, имеет боевые награды, среди которых орден Боевого Красного Знамени.

С честью исполнили свой долг

Мне 96 лет. Но чем дальше от войны, тем острее всплывают в памяти воспоминания о моих друзьях-товарищах. Они стоят у меня перед глазами, молодые, живые, здоровые, хотя помню, конечно, не всех.

Например, служил у меня в артбатарее смелый разведчик – москвич, ефрейтор Михаил Васильевич Ермачков, 1916 года рождения, кавалер ордена Красной Звезды. По совместительству был моим ординарцем и не раз спасал меня от гибели.

Еще у нас в 191-м Нарвском стрелковом полку была Аня Сапогова. Совсем девчонка, лет 17-18, не больше. К нам она попала из блокадного Ленинграда. Имела боевые награды. В батарее была и связисткой, и санитаркой, могла, если вынуждала обстановка, поработать и за фельдшера. Красивая была девушка, и повадился за ней ухаживать один «особист». Мы узнали и побили его немного, не дали нашу Аню в обиду. До сих пор казню себя, как в самом конце войны послал ее на огневую позицию. И надо же, когда шла от командного пункта, наступила на противопехотную мину и потеряла ногу. После госпиталя к нам она уже не вернулась.

Война для меня началась неожиданно. Я с товарищами ехал поступать в Киев, в военное училище. Доехали до Москвы 22 июня 1941 г., на вокзале увидели толпы людей, началась война. Нас отправили в Московское военное училище, через два месяца выпустили лейтенантами и отправили на фронт, под Смоленск. Первый бой мы приняли там же, потом была битва за Москву, где я был контужен и отправлен в госпиталь.

Сначала меня лечили в Москве, потом отправили в Нижний Новгород, из него на барже – в Казань, потом на поезде в Свердловск, дальше в Днепропетровск, и на фронт.

Пройдя через бои под Смоленском, где чудом удалось выйти из окружения, через Карельский и Ленинградский фронты, 9 Мая я встретил в Прибалтике. Был в числе тех, кто принимал капитуляцию фашистских войск в Курляндии. Сдавшемуся на милость победителей немецкое командование, после того как с формальностями было покончено, пригласило офицеров-парламентеров к столу. Возглавлявший нас полковник-танкист не решился воспользоваться гостеприимством поверженного противника, хотя майоры, капитаны, лейтенанты старались переубедить его: что тут такого, мы же победители! Не вдаваясь в подробности, скажу по секрету: с вчерашними врагами нашу Победу мы все-таки отметили. Перед собой мы увидели людей, подавленный вид которых говорил сам за себя: наконец-то все кончилось. Кое у кого из немцев на лицах появлялись улыбки. Конечно, не от радости, а потому что остались живы. А это не так уж и мало.

А мне и моим сослуживцам, кому было суждено дожить до нынешних дней, не дает покоя такой вот вопрос: наша 65-я морская стрелковая бригада прикрывала Ленинград. Обидно, что ее по каким-то формальным моментам в список частей, оборонявших город, не включили. Нет нас в анналах! И, конечно, для меня и однополчан это очень обидно.

Я воевал в 201-й стрелковой дивизии, был под Новороссийском, принимал участие в Ленинградской операции. 12 января 1944 года дивизия получила приказ наступать в направлении Гатчины, где шли наиболее жестокие бои. Нашим разведчикам удалось захватить штаб одного из немецких полков, да еще со знаменем, его командиру оставалось только застрелиться, чтобы не попасть в плен. Дивизия за успешное выполнение операции стала именоваться Гатчинской.

В феврале 1944 г. в ходе боев была взята Луга, а в июле дивизи-

зия, окружив крупную группировку противника и разгромив ее, вошла в Нарву. Нашему 191-му полку, которому удалось овладеть одной из важных высот, присвоили почетное наименование Нарвский. Я был командиром артподразделения 191-го стрелкового полка 201-й стрелковой дивизии.

Последний бой 201-я вела 9 мая 1945 года. В тот день мы потеряли многих боевых товарищей. Проводили их в последний путь по-фронтовому, с боевым салютом. Так уж получилось, что прощальный салют совпал с Победным.

Мы, фронтовики, участники Великой Отечественной войны, в минуты затишья между боями размышляли о том, какой будет послевоенная жизнь, установится ли мир на всей земле. Долгожданная победа пришла для нас весной. Это – радость, цветы со слезами на глазах жен и матерей...

День 9 мая навсегда запечатлелся в нашей памяти. Громким «Ура!» воины приветствовали обращение советского правительства к народу. Повсюду царили радость и ликование. Шли, поднимая пыль за собой, колонны немецких пленных...

После войны я вернулся в родной Татарстан, работал в отделе образования, являюсь Почетным гражданином Азнакаевского района.

Колесников Николай Андреевич

Родился 22 февраля 1925 года в с. Пятницком Башмаковского района Пензенской области, ветеран Великой Отечественной войны, полковник запаса, награждён орденом Отечественной войны 1-ой степени, медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и др.

Мы были счастливы, что остались живы

Я родился в семье крестьянина-бедняка. В то время у отца не было ни хозяйства, ни избы, ни имущества. В семье я был третьим ребёнком. Но моё детство прошло хорошо, потому что я был единственным сыном, и меня все баловали.

В 1933 году я пошёл в школу и к началу Великой Отечественной войны окончил 7 классов с хорошими отметками. С началом войны вся жизнь в деревне перевернулась. Всё взрослое население деревни было призвано и ушло на фронт. Остались старики и малые дети, на которых легли все тяготы войны. До войны мой

отец работал в колхозе кузнецом, значит, я должен был занять его место. Мне было 16 лет. Пришлось стать «специалистом на все руки».

Когда мне исполнилось 17, меня направили в Ульяновское пехотное училище, где мы проучились 6 месяцев. Однажды ночью по тревоге после шестидесятикилометрового марша нас погрузили в товарные вагоны и направили на фронт. Мы не знали, куда нас повезут. Но на станции Пенза мы прослышали, что наш эшелон должен проследовать мимо родных мест, через станции Башмаково и Соседку. Очень хотелось хоть ненадолго оказаться дома. В общем, вся группа из 10 человек без разрешения бежала с эшелона. Мы глупые, даже не подумали, что это могло закончиться для нас расстрелом или штрафным батальоном. Поэтому уже через сутки, когда мы, возвращаясь из дома, сели на следующий эшелон, нас сразу же забрали в особый отдел. На наше счастье, наш командир роты был оставлен командованием на станции для поиска, и ему это удалось. Далее мы уже следовали на фронт в составе своей воинской части.

Со станции Козельск мы совершили марш в сторону Орла, где нас распределили уже в боевые части. Так наша группа приняла участие в операции по освобождению Орла. В тех жестоких боях мне пришлось принять командование отделением пулемётчиков. Когда город был освобождён, наша армия была направлена в сторону Брянска. Но на 7-ой день наступления я был легко ранен в ногу, после чего оказался в полевом госпитале.

Госпиталь постоянно бомбили. И, в конце концов, все его наземные помещения были превращены в пыль. Мы спаслись в каменном подвале старинной церкви. Здесь я пробыл 3 месяца.

После выздоровления меня направили в свою часть, которая вела бои за освобождение Брянска. Далее путь нашей дивизии пролегал в сторону Смоленска, Орши, Минска и ряда других крупных населённых пунктов Белоруссии. В Литве я получил второе, на этот раз тяжелое ранение, в левую голень. Полевой госпиталь,

в который я попал после ранения, уже на второй день разбомбили. Меня направили в Смоленск. Но вскоре и эта медсанчасть была уничтожена во время налёта 20 немецких бомбардировщиков. Почти трое суток мы, раненые, пролежали под развалинами железнодорожной станции Смоленска под непрерывным артиллерийским обстрелом противника и бомбёжкой. После этого нас эвакуировали вглубь страны. Так я оказался в Орехово-Зуево. Там пролежал 4 месяца и в феврале 1943 г. вновь оказался на фронте. В это время мой отец сражался на Калининском направлении, сестра Полина на Кавказе, а я на Третьем Белорусском. В 44 году, в боях за Кенигсберг получил тяжёлую контузию с потерей речи.

Пришла весна 1945 года. День Победы, как и начало войны, запомнился длинными гудками пароходов, непрерывными криками в рупор: «Победа! Победа! Мы победили!», плачем и радостью. Плакала и радовалась вся страна. Одни плакали по погибшим, другие от радости, что вернутся мужья, сыновья, братья. Невольно вспоминалось всё, что пришлось пережить.

Вскоре меня неожиданно отобрали на курсы подготовки поваров. В тот час я ещё не знал, что нас готовят для обеспечения участников Парада Победы. Учился поварскому делу в Москве, а жил у Матросской Тишины. Уже через месяц после парада я был переведён в воинскую часть в г. Очакове, а в сентябре 1945 года уволен по ранениям.

Домой ехал двое суток. На родной станции поезд не остановился, и мне пришлось прыгать. Хорошо, что эшелон двигался медленно, и хотя было темно, около 10 вечера, я сумел без последствий соскочить с подножек вагона. Когда шёл по селу, то не встретил ни одного человека. Подошёл к дому, а света нет. Я даже испугался. Когда постучался, мать стала спрашивать, кто это. «Я!» – сказал. Она не поверила и долго молчала. Теперь я уже пришёл в панику и собирался сломать дверь. Но мама собрала силы и открыла, не веря тому, что это её живой сын. Когда зажгли лампу, мать, уже плача, стала меня обнимать. Только тогда она

поверила, что я вернулся домой. На шум сбежались соседи, послали за сестрой Полиной, которая вернулась раньше меня.

Всю ночь не спали. На столе была только картошка и самогон из свёклы. Мы были счастливы, что остались живы и думали о счастливом устройстве будущей жизни.

Вскоре у меня появилась невеста, Тоня. В октябре 1946 г. сыграли небогатую свадьбу. В следующем году в соседнем селе неожиданно встретился знакомый по госпиталям старшина медицинской службы. Тогда по его совету вместе с супругой поступили на службу в расквартированную там воинскую часть.

В 1952 г. меня направили на курсы подготовки офицеров. Так началась моя новая офицерская жизнь. Служил под Куйбышевым (Самара), в Германии, а завершал свою карьеру в Казани. Уволился по возрасту в звании полковник. Но и сейчас с особым чувством вспоминаю те, полтора года войны и радуюсь тому, что остался жив и встретил Победу.

Маннанов Юнус Музагарович

Родился 26 ноября 1926 года в с. Толбазы Аургазинского района Республики Башкортостан, ветеран Великой Отечественной войны, капитан, имеет боевые награды: Орден Славы III степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Польшей» и др.

Шли в атаку без «Ура»!

Я родился в крестьянской семье, до войны окончил семилетнюю школу, работал колесником в райлеспромхозе вместе с отцом. Мне было всего 16 лет, когда началась война. Отец ушел на фронт добровольцем, а в 1943 году призвали и меня. Я попал в Уфимский 32-ой учебный полк, который в мае 1944 был отправлен на фронт. Так начался мой тяжелый боевой путь.

17 июня мы прибыли в Западную Белоруссию в г. Ровно, в 134 стрелковую дивизию, 738 стрелковый полк, который находился в обороне.

С октября 1944 года наш полк стоял в обороне на Висле в Польше.

И вот наступление. Мы должны были ворваться в траншею врага, но немцы нас встретили огнем, и тут командир взвода В. Опушневу дал команду: «Гранаты к бою!».

Долго ползли по минному полю. Немцы забросали нас гранатами. Одна взорвалась между мной и командиром. Командир был ранен, я взвалил его на спину и вынес с поля боя. Когда мы добрались до своих, было уже утро. И только там я понял, что сам тоже ранен в ногу.

В октябре 1944 года после госпиталя я вновь попал на 1 Белорусский фронт, в свою же воинскую часть – 738 стрелковый полк. И, хочу признаться, мне хотелось вернуться именно туда, где уже однажды воевал, словно в родные места.

По прибытии не нашел никого из старых сослуживцев, даже командир был другой. Все незнакомые, но было радостно на душе от того, что я снова там, где получил первое боевое крещение. Полк стоял в обороне за рекой Висла в Польше. Меня, как бывалого фронтовика, сразу назначили наводчиком пулемета. Оказалось, что командир взвода, старший лейтенант, кадровый офицер уже немолодой, тоже родом из Башкирии. Он был рад тому, что мы земляки. Я был назначен его ординарцем.

Взвод вел охранную службу на самой передовой линии обороны. Кроме того, в ночное время работали на укреплении траншей, ходов сообщений, строили запасные блиндажи. Я, как пулеметчик, всегда на ночь оставался на боевой охране. Вскоре нас сняли с обороны, мы вышли в тыл и стали заниматься боевой подготовкой. В конце декабря 1944 года наш полк снова занял позицию на первой линии обороны.

Шла подготовка к новому наступлению. Вскоре нас собрали для знакомства с новым пополнением, поставили перед нами боевую задачу и объяснили дальнейшие военные действия.

Вместо меня наводчиком пулемета назначили другого солдата. Наш взвод во время артподготовки должен был первым в полку начать наступление. Была команда: «Атаку начнем без «ура!»». Идти только ползком. По мере захвата позиции противника радист должен сообщить об этом командованию, а командир – оповещать выстрелом ракеты.

15 января 1945 года. Утро. Артподготовка началась в назначенное время. На врага обрушился такой огонь, что все содрогалось, как при землетрясении. Артиллерия, «катюши» были ночью подтянуты к первой линии нашей обороны.

Через некоторое время по команде мы вышли из укрытия и двинулись ползком по подготовленному саперами проходу. Артподготовка продолжалась. Все разворочено, грохот, гарь, пыль, трудно дышать.

Дойдя до первой линии траншеи противника, командир сде-

лал один выстрел вверх из ракетницы, что означало взятие нами первой линии обороны. Бойцы пошли дальше. То, что мы увидели там, было страшно.

Как оказалось, немцы тоже должны были начать наступление на нашем участке в этот день, подтянули живую силу на передовую, но опоздали. Наши начали обстрел первыми.

Накопившиеся в траншее люди от урагана артподготовки словно обезумели, от испуга немцы бросились бежать в тыл по брустверу, но все они полностью были сражены. На бруствере лежали тела друг на друге, как скошенные.

Было еще темно, когда мы почти вплотную подошли ко второй линии обороны, и было видно, как по траншее туда-сюда бегают люди. Командир крикнул: «Гранаты по траншее!». Мы лежали с ним почти рядом и одновременно бросили гранаты. Но в это время и немцы, заметив нас, тоже успели бросить в нас. Наши успели их сразить. Однако одна вражеская граната упала на уровне головы моего командира и... изуродовала его лицо. Это было страшное зрелище. Я лежал чуть впереди него, потому осколки попали мне в левую ногу чуть выше колена. Но рана оказалась легкой, спасли ватные брюки и телогрейка.

Вскоре в траншее появились немцы с поднятыми руками. Бой был коротким. Наши перешли свободную траншею и двинулись дальше, но радиста не было видно. Из кармана командира я достал ракетницу и сделал два выстрела вверх, что означало о взятии нами второй линии траншеи. Затем быстро достал из кармана гимнастерки командира бинт и начал перевязывать его обезображенное лицо. Он лежал без движения, но был жив.

Взяв его автомат в руки, и положив раненного на спину, ползком двинулся вперед. С трудом добравшись до своих, доложил собравшейся группе командиров о происшедшем бое. Нас отправили на собачьей упряжке в медпункт, расположившийся недалеко. Здесь обработали наши раны и отравили нас с командиром по разным госпиталям. Так мы разлучились на долгие годы.

За тот бой 15 января 1945 года, когда наши войска успешно прорвали сильно укрепленную оборону немцев и прошли десятки километров в сторону Германии, командир В. Опушнев был награжден орденом Красного Знамени, а я – орденом Славы III степени.

После долгих лет поисков после окончания войны я все же нашел в 1980 году своего командира Виктора Васильевича Опушнева благодаря бывшему председателю местного сельского Совета Улу-Теляка. Спасибо ему. Мой командир жил в г. Октябрьский с женой. Детей у них не было. Наша встреча была очень трогательной. Со слезами на глазах мы вспомнили те страшные картины войны. Он все повторял: «Это мой спаситель». Супруги очень любили деревню и обещали приехать к нам на лето в гости. Но, к сожалению, командир через два месяца после нашей встречи ушел из жизни. Ему было 80 лет.

После выздоровления я снова встал в строй и служил в армии почти до конца 1950 года. День Победы я встретил в г. Штетень (Балтика). До сих пор в моей памяти та ночь, когда поднялась беспорядочная пальба и все услышали долгожданное слово «Победа!».

Как свидетель событий тех грозных военных лет, у меня в теле до сих пор хранится осколок той гранаты. Штук восемь осколков тогда мне сразу удалили в госпитале, а один, видно, засел глубоко, и его обнаружили медработники при рентгеновском обследовании где-то в 60-х годах.

После войны я работал в Госстрахе, райкоме партии, руководил маслозаводом, затем вернулся в леспункт, где начал свою трудовую биографию 16-летним юношей, откуда и ушел на заслуженный отдых.

Марданшин Музагит Гадельшинович

Родился 15 декабря 1924 г. в с. Уразаево Азнакаевского района Татарской АССР, рядовой стрелкового взвода, освобождал Тулу, Брянск. Имеет боевые награды: орден Красной Звезды и орден Отечественной войны 1 степени.

На войне, как на войне...

Я родился в деревне, в 1934 г. окончил Уразаевскую начальную школу. В 1940 г. вместе с отцом завербовался на стройку в Москву, там мы и встретили войну.

В 1942 году меня призвали, 20 августа 1942 года прибыл в военный лагерь Суслонгер. Там нас обучали военному делу: вышагивание, ползание, стрельба из пулемета и винтовки. В феврале 1943 года нас отправили на фронт. Я боевые действия начал рядовым стрелкового взвода, под командованием старшего лейтенанта Дёмина.

Я запомнил освобождение города Тулы, а военные боевые действия закончил на станции Карачев Брянской области в составе того же стрелкового взвода, рядовым. Только командир – старший лейтенант Дёмин тогда уже был убит вражеской пулей.

При освобождении станции Карачев Брянской области, я получил осколочные ранения в правую ногу ниже колена и правую руку ниже локтевого сустава. Это было 3 сентября 1943 года. Меня с поля боя вынес кто – то из товарищей, но, к сожалению, я не помню своего спасителя. По причине ранения убыл из войскового соединения в тот же день.

Сначала оперировали ногу и руку в полевом госпитале, в брезентовой палатке, потом перевезли в госпиталь, где лечился с 8 сентября до середины ноября. Потом перевезли в Нижний Тагил Свердловской области. Там лечили до августа 1944 года, где оперировали правую ногу уже второй раз. Демобилизовали меня из армии по причине инвалидности.

Возвратился я в свое родное село Уразаево Азнакаевского района, устроился кочегаром на ферму и стал работать. Но так как работа кочегара сезонная, только в зимнее время, а другая деревенская работа была мне не по силам, я стал подрабатывать фотографом. Первый трехногий фотоаппарат купил я у одного из исследователей, которые приехали к нам осваивать месторождение нефти. Как помню, его фамилия была Магдеев. Не знаю, жив ли этот человек, но я до сих пор благодарен ему, потому что этот фотоаппарат сыграл очень большую роль в моей жизни. Благодаря ему, я встретил свою будущую жену, которая приехала из соседней деревни, чтобы сфотографироваться.

Свои боевые награды я получил уже в военкомате города Азнакаево: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны.

Нас у родителей было шесть человек: 5 сыновей и одна дочка. Из пятерых братьев на войне участвовали четыре.

Старший брат – Гадельшин Миргарифан Гадельшинович был старшим сержантом. На него пришла похоронка, все считали его погибшим. Но оказывается, он был в плену. В 1946 г. он возвратился в деревню. Про годы, которые провел в немецких лагерях, он не любил рассказывать, лишь иногда говорил, что ели

они и мышей. Его награда – Орден Отечественной войны 1 степени. К сожалению, он рано ушел из жизни, наверное, сказались годы, проведенные в плену.

Второй брат – Гадельшин Миргазиян Гадельшинович – был старшим сержантом, десантником. Совершил более ста прыжков, и два из них в тыл врага. Получил Орден Красной Звезды, Орден Славы III степени, медаль «За Отвагу», Орден Отечественной войны. При форсировании Днепра наши войска встретили серьезное сопротивление врага. Миргазияна с группой десантников перебросили в тыл врага, чтобы с партизанами создать тылу врага суматоху, и тем самым помочь нашим войскам форсировать Днепр. Он присоединился к партизанам, ходил на боевые задания. Когда наши войска, форсировав Днепр, перешли на эту сторону, Миргазиян опять возвратился в свое подразделение.

Младший брат – Гадельшин Нурлыгаян Гадельшинович был рядовым, призвался в армию в начале 1945, охранял границу и получил Орден Красного Знамени.

Это, наверное, подарок судьбы или благодарение бога: в некоторых семьях на войну ушли 2 брата, и ни один не вернулся, а из нашей семьи на войну забрали 4 братьев, и все возвратились домой живы здоровы. Сейчас нас осталось трое братьев – участников войны. Мы часто ходим друг к другу в гости, но о войне вспоминаем редко, не хочется вспоминать о страшном.

Когда говорят «Какие эпизоды наиболее запомнились?» или «Что мы делали между боями?», невольно теряешься. Ведь прошло уже 65 лет, и память уже не та, и годы идут.

Помню свой первый бой. Не могу похвастаться, что не боялся, боялся смерти. На четверых – одна винтовка. Этому не поверит никто, но воевали мы практически без оружия. Помню, делал одному солдату перевязку во время боя, у нас были пакеты первой помощи, а перевязку учили делать в Суслонгере.

Помню, с одним товарищем давали друг другу слово, если кого-

нибудь сильно ранят, то застрелить его, чтобы не мучился и не попал к немцу в плен. Это как раз было перед взятием станции Карачев, где я был ранен. Не знаю, жив ли тот товарищ, я не помню и его имени. Но, я очень благодарен ему, что не исполнил он свое обещание тогда...

И еще помню, как мерзли ноги в кирзовых сапогах, если становишься, то ноги замерзают. Чтобы не замерзнуть мы шагали до изнеможения. Между боями старались отдыхать, писали письма и пели песни, каждый на своем родном языке. Как до сих пор помню, у меня был друг – узбек Гуреев. Он переводил мне свои узбекские сказки, а я ему татарские. Он любил слушать, как я пою татарские песни.

Мне очень долго пришлось лежать в госпиталях: и летом, и зимой, и осенью, и весной. А лежать в госпитале в самый разгар лета – это сущее наказание. Дни ползут как годы. Зимой еще хоть темно – можно не открывать глаз. А тут – едва посветлеет в небе – готово: перед тобой уж и деревья, растущие вокруг госпиталя в густой зелени. Я изучил каждую ветку берез, облака и все, что можно было увидеть через окно госпиталя. А в окно было видно правое крыло больничного корпуса, стоящего напротив, деревья, растущие возле него. Мне хотелось выскочить на волю, и со всех ног помчаться домой. Хотя одной ноги теперь у меня и не было. Было очень трудно свыкнуться с этой мыслью.

Тебе всего 18 лет, ты еще не женат, но у тебя уже нет одной ноги и руки. Но все равно я хотел домой. Я был полон сил и задора, мне хотелось жить. Я видел многих солдат, таких, как я, инвалидов, которые не хотели в таком виде возвращаться домой, жить дальше в беспомощном состоянии, подкошенные ударом судьбы. Но видел и таких, которые даже без обеих рук или ног стремились жить. Вот такое стремление было и у меня. Оно, наверное, и помогло мне возвратиться домой, найти себе подходящую работу, жениться и воспитать 4 детей.

Я благодарю бога, что он мне дал столько сил пережить все это, выжить и жить достойно. Я и теперь в свои 86 лет могу похвастаться своим здоровьем, только иногда дают знать о себе раненная нога и рука.

Спасибо нашему государству за то, что так заботится о нас, ветеранах войны. В этом году мы получили двухкомнатную, просторную, обустроенную квартиру. Теперь мы с женой живем в новой квартире. А нашей совместной с ней жизни исполнилось 57 лет.

И хотелось бы добавить, я очень рад тому, что ни один праздник 9 мая я не остаюсь без внимания.

Матюшкин Петр Ефимович

Родился 1 июля 1925 года в с. Ельник Назаровского района Красноярского края, ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги» и др.

Фронтовые воспоминания

В конце 1942 года прямо со школьной скамьи я ушел добровольцем в Красную армию, не успев закончить и 8 классов. Первоначально был зачислен курсантом Астраханского военно-пехотного училища, расположенного на Урале на станции Теплая гора Чусовского района. В училище освоил программу бойца и младшего командира. Затем весь наш курс перевели в 15 гвардейскую воздушно-десантную бригаду в Подмосковье, где нас учили укладывать парашюты, совершать прыжки с аэростата и самолета.

Настоящая война началась для меня 26 августа 1943 года. До-

велось мне участвовать в составе 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады в освобождении Киева, а затем и гг. Николаева, Будапешта, Вены, Праги.

На войне было все: и радости, и потери. Отчетливо отложилась в памяти такая история. Воевал я в 23 гвардейском танковом полку, наш расчет был одновременно броневой и пулеметным. Если нужно было громить танки, мы брали противотанковое ружье, если надо было уничтожать живую силу – строчили из пулемета, а когда надо было идти в разведку, брали автоматы и гранаты. Свободное боевое оружие хранилось на бронетранспортере. Первым номером расчета, имеющий пистолет, был 18-ти летний Василий Свиридович Малофеев, а я – его второй номер.

Однажды наш полк в течение суток не мог прорвать оборону противника. В помощь нам дали артиллериста-корректировщика. Вместе с ним мы сначала осмотрели местность и выбрали пункт для наблюдения. Затем ночью нехоженными тропинками, по-пластунски пробрались туда, залегли. Как только стало светать, наблюдатель начал передавать координаты целей. Вдруг мы заметили, как двое немцев выволокли из дома девушку. Она вырывалась и звала на помощь. Василий возмущенно произнес:

– Я их паразитов сейчас...

– Отставить! Сначала скорректируем огонь, а потом и немцам дадим по заслугам, – сказал корректировщик.

– Но тогда будет поздно, – стал возражать Василий.

Когда началась артиллерийская стрельба по обнаруженным целям, немцы оставили девушку и бросились бежать.

– Вот теперь огонь! – крикнул артиллерист.

Немцы, не успев добежать до дома, были сражены нашими автоматными очередями. Когда мы возвращались с задания, Василий рассказал, что у него на родине осталась девушка, которую он очень любил, но ни разу не решился ее поцеловать. Увидев схваченную немцами девушку, он вспомнил о своей и так горько стало на душе!

К полудню мы освободили город Слатина, но при выходе из него два наших танка были подбиты. Мы поднялись на чердак двух этажного дома и оттуда увидели два зарытых в землю немецких танка, которые вели огонь по нашим машинам. Василий открыл огонь. Первый танк загорелся. Из танка стали вылезать немцы, я открыл огонь по ним. Потом я на миг перевел взгляд на другой танк и увидел, что он поворачивает ствол орудия в нашу сторону.

Два выстрела прозвучали одновременно. Второй танк загорелся. А когда рассеялся дым на чердаке, я бросился к Василию. Он лежал с окровавленной головой.

Ну, как я их? – спросил он, а потом тихо сказал. – Да, видно я не жилец и встречи нам не праздновать. Слушай, Петро, дай я тебя поцелую. Если ты останешься в живых, обещаю побывать в моем родном поселке, поцелуй мою любовь Машеньку и скажи ей: «Это для нее мой первый и последний поцелуй».

После демобилизации я долго разыскивал адрес родителей Василия Свиридовича Малофеева и только в 1982 году мне удалось установить, что родители Василия проживали в Курской области, станция Арбузова. Родители к тому времени уже умерли. О передаче поцелуя не могло быть и речи.

Отчетливо запомнились бои за Будапешт. Со времен битвы под Будапештом у меня сохранился текст советской листовки с обращением к воинам Красной Армии.

Товарищи, красноармейцы, сержанты и офицеры! Славные воины – гвардейцы!

Красная армия загнала немцев в Будапештский котел. Они обречены на гибель. Поэтому враг бросает много танков, что пробиться на помощь окруженной группировке!

Не вышло у немцев и не выйдет!

Им не пробить стальной стены гвардейских частей!

Сотни немецких танков горят на поле боя. Они подбиты нашими героями, такими как Постевой, Кузнецов, Уткельбаев и другие.

Сегодня враг уже остановлен! Он должен быть разбит!

Главная задача сейчас – истребить немецкие танки и снова двинуться вперед. У нас для этого есть все: славные войска, множество орудий, крупные силы танков и авиации.

Товарищи гвардейцы! Проявите новые образцы мужества и стойкости, смелости и отваги! Крушите немецкие танки всеми способами, всеми средствами! Истребляйте их днем и ночью. Не ожидайте вражеских танков, ищите их сами, подползайте к их стоянкам, подрывайте немецкую броню!

Стрелки! Подрывайте вражеские танки противотанковыми гранатами, связками ручных гранат!

Бронебойщики! Метко разите танки врага из ПТР!

Саперы! Подрывайте немецкие танки на минах! Артиллеристы! Танкисты! Расстреливайте танки противника из орудий всех калибров! Бейте их прямой наводкой с ближних дистанций!

13 февраля 1945 года Будапешт был взят!

В апреле того же года наши части освобождали Чехословакию от фашистов. Местное население с восторгом встречало советских воинов. И с великой радостью громко кричали:

– Наздар! – Да здравствует!

Мы удивлялись, с какой любовью встречали нас освобожденные жители. Вспоминаю: мы с боем ворвались в маленькое село. Нас встречать вышел седобородый старик и молодая девушка. Идет бой, а старик из большой бутылки наливает вино в кружку девушки. Она подает кружку бойцу и говорит:

– За победу!

Но... раздается взрыв снаряда. Старик и девушка убегают в дом, а солдат спокойно осушил кружку, вытер губы рукавом и вернул кружку вновь подбежавшей к нему девушке, сказал:

– Дякую! – Спасибо!

Но больше всего нас удивил другой случай. Мы освободили часть города Брно. Нам навстречу вышли нарядно одетые жен-

щины и угощали нас свежесдобитой сдобой и пирогами. Усатый боец спросил:

– Как вы узнали, что мы сегодня освободим ваш город и приготовили вкусное угощение?

Пожилая женщина ответила:

– Конечно, мы не знали, что вы освободите нас сегодня, а все эти угощения мы приготовили к Пасхе и рады, что удалось угощать вас.

Вспоминая о войне, не могу не рассказать о своем брате Александре.

Мы встретились с ним в одном из боев за Будапешт. Вместе прошли и освободили Венгрию, Австрию, Чехословакию. 4 мая 1945 года в бою у г. Ивановицы Вышковского района Чехословакии он был тяжело ранен, а остальные члены экипажа танка погибли.

Я тоже участвовал в этом бою. Ночью нашу группу направили в разведку. Время шло к рассвету, мы на тягаче промчались вдоль линии фронта. На нас обрушился шквал огня. Вызывая огонь на себя, мы должны были выяснить, откуда бег орудие. Из-за темноты немцам не удалось попасть в наш тягач, а мы засекали местонахождение орудия: передали координаты, и оно было уничтожено. Всех членов экипажа наградили медалями «За отвагу».

Брата после ранения вывезли в полевой госпиталь № 5169. Когда брата отправляли в госпиталь, я записал все данные. Но, несмотря на это, мне понадобилось целых 60 лет, чтобы найти его могилу. Кончилась война, госпиталь расформировали. В связи с тем, что никаких сведений о брате не было, военкомат г. Ачинска зачислил его в списки пропавших без вести. А я начал свой поиск. Помогли чешские товарищи. Они установили, что А.И. Матюшкин был похоронен на центральном кладбище г. Брно. В мае 2005 года от Генерального консула РФ в г. Брно я получил официальный документ, подтверждающий данную информацию. Четыре года я копил деньги, чтобы поехать туда, и в канун 64-й годовщины

Победы я смог помянуть брата на его могиле. В 2009 году мне вместе с внуком Евгением удалось побывать в г. Брно, посетить братскую могилу, где захоронен мой брат, возложить на нее землю с Родины и цветы.

О Победе над Германией наше командование узнало от танкистов. Однако 9 мая мы не смогли отпраздновать Победу. Наши командиры сразу же строго-настрого запретили салютовать в честь Победы. Был жесткий приказ: «Не стрелять ни в каком случае!» Была опасность, что немцы не знали еще о капитуляции, могли расценить наши выстрелы как нападение и открыть ответный огонь. Мы, конечно, всю ночь не спали, не могли уснуть от такой радости. А наутро нам был дан приказ идти и разоружать фашистские военные соединения.

После окончания войны я 4 года прослужил в Румынии. Там же окончил 2-х годичную дивизионную школу партийного актива. Демобилизовался в апреле 1949 года и вернулся в родной Ачинск. В 1951 году я окончил Ачинскую школу рабочей молодежи и поступил на вечернее отделение Казанского авиационного института. После окончания института работал на авиационном заводе ведущим инженером опознавательной системы «свой-чужой».

После выхода на пенсию в 1992 году занялся общественной работой, много сил и времени отдаю воспитанию подрастающей молодежи. Помимо этого рисую картины, пишу стихи.

День Победы

Сяду к деду на колени, тихо прошепчу:
– Расскажи мне, милый деда, а я помолчу!
Буду слушать все, что хочешь ты мне рассказать,
И вертеться я не буду и перебивать!

Про войну хочу послушать, как ты воевал,
Как в бою таком далеком знамя ты спасал!
Про друзей своих военных, деда, расскажи
И в альбоме пожелтевшем фото покажи!

Улыбнулся внуку деда и к груди прижал:
– Расскажу про все, конечно, раз уж обещал!
Как войну мы пережили, как на смерть мы шли,
Сколько верст исколесили и в грязи и в пыли.

Как врага с боями гнали мы с родной земли
И ни пяди не отдали – выжили, смогли!
А теперь вот День Победы празднуем с тобой,
Только в праздничном параде по команде: «В строй!»

Роткин Аверьян Никитович

Родился 23 февраля 1921 года в с. Богдашкино Тетюшского р-на Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, зам. начальника боепитания, имеет награды: орден Отечественной войны, медаль «За победу над Германией».

До войны в 1937 году я окончил Богдашкинскую среднюю школу, за отличную учебу получил книгу. В 1939 году поступил в Тетюшский зоотехнический техникум. Там и узнал о начале войны.

Вскоре пришла повестка, и меня забрали защищать Родину. В июне 1942 года я попал в запасной стрелковый полк №361, располагавшийся на станции Суслонгер Казанской железной дороги на территории Марийской АССР. В Суслонгере, пройдя спецподготовку, я получил специальность пулеметчика. Далее мой путь лежал в Москву, в маршевую роту.

Из Москвы нас отправили на Воронежский фронт. Целую неделю, под бомбежкой, добирались до Воронежа. Днем вагоны с солдатами стояли, паровоз где-то укрывали от налетающих само-

летов. Многие погибли, не доехав до места назначения. Когда была команда «Воздух» – все солдаты разбежались, кто как мог укрывался, команда «По вагонам» – все солдаты собирались. Так за ночь приходилось несколько раз разбежаться и собираться.

Приехали в Добринский район Воронежской области. Я попал в 127 аэродромно-технологическую команду, стрелком. Затем в 210 батальон аэродромного обслуживания. Мы доставляли на аэродромы боеприпасы, горюче-смазочные материалы для самолетов.

Кроме Воронежской области довелось обслуживать самолеты в Курской, Белгородских областях, участвовать в освобождение многих станций, в том числе Валуйки, Уразово. На станции Валуйки меня ранило в шею во время налета немецкой авиации, куда мы прибыли на восстановление аэродрома. Рана оказалась не такой страшной, я быстро вернулся в строй.

Пришлось побывать мне и на Курско-Орловской огненной дуге. Страшно сейчас вспоминать и представлять это зрелище. Все перемешалось, самолеты кружили в небе, как стая птиц. Стоял такой рев, ничего не было слышно, все дрожало. Погибло много людей.

Далее путь лежал в сторону Украины. После освобождения Киева, нас отправили за Днепр на аэродром «Белая Церковь». И там мы обслуживали аэродромы, самолеты. Делали ложные аэродромы, маскировали настоящие. Немцы много боеприпасов тратили на ложные аэродромы. Много раз приходилось ходить на разведку по выбору места для ложного аэродрома. Не раз попадал под обстрелы, окружения, но всегда каким-то чудесным образом удавалось выходить из тяжелого, опасного положения.

Собственно в «Белой церкви» мы обслуживали около 15 авиаполков. Я был заместителем начальника по боепитанию. Через мои руки проходили боеприпасы. Готовили для пулеметов патроны, набивали патроны в ленты. Был очень большой объем работы, огромное количество боеприпасов необходимо было приготовить для самолетов. Один за другим поднимались самолеты в небо,

только успевай заправлять. Для набивания патронов в ленты под нашим контролем привлекалось даже местное население. Все это происходило на 1-ом Украинском фронте.

Затем нас перевели на четвертый Украинский фронт. Наш батальон принимал участие в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, Германии. В Чехословакии были на Моравском острове, обслуживали самолеты, которые летали на освобождение Праги. Был в г. Берлотании, до сих пор не могу забыть крематорий, где сжигали наших солдат. Город был полностью разрушен, ни одного целого кирпича.

Наше войско стояло в г. Глайвице Германии. Из Глайвица мы в составе 9 человек поехали на Моравский остров для переправки самолетов в нашу страну. Я был старшим. К тому времени меня начала сильно беспокоить полученная рана. В госпитале мне сделали операцию, вынули из шеи осколок.

День Победы отметил в лазарете г. Глайвица. Вернулся домой в апреле 1946 года.

Садрутдинов Халяветдин Садрутдинович

Родился 3 марта 1925 г. в с. Большой Кукмор Кукморского района Татарской АССР. Красноармеец, сержант стрелкового взвода, воевал под Смоленском, тяжело ранен. Имеет правительственные награды.

Такая короткая война – длиною в жизнь...

Когда началась война, мне было 17 лет, я работал на Кукморском кирпичном заводе. В голове стук машин и перед глазами клубы пыли.

Я запомнил майское утро 1942 г. То утро было каким-то особенным: и крик петухов был тише, солнце было тусклее, облака были меньше. Здесь было тихо, но мысль о том, что где-то уже гремит война, не оставляла мой разум в покое.

Закончив смену, я пошел домой. Эти дороги были так мне знакомы. Я знал наизусть каждую тропинку, каждый поворот. Дома мама дала мне листок. Повестка! Так, в мае 1942 года, для меня, семнадцатилетнего юноши, началась Великая Отечественная война.

На следующий день ранним утром я пошел в военный комиссариат. Там было очень много ребят, таких же, как я, не видавших жизни и не предполагающих, что с ними будет. Никто не знал, какой бывает война. Каждый думал о своем, каждый ждал по-своему. Кто-то спокойно сидел, а кто-то, суетясь, ходил из угла в угол. У каждого были свои мысли, и в душе у каждого рождался холод и страх.

Нас отправили в город Ижевск. Я четко помню свой военный маршрут: «Кукмор – Ижевск – Владимир – Западный фронт – Смоленск – Арзамас – Смоленск – Кукмор». Эти города ввелись в мою память.

Я сражался за Смоленск. После полученной контузии меня отправили лечиться в госпиталь. После выздоровления меня отправили учиться в Куйбышев, где я получил звание сержанта. И после

этого, я поехал обратно в Смоленск. Там я получил ранение руки и ноги. После этого, я долго лечился в Молотове, но война меня сломала. Дав вторую группу инвалидности, меня отправили домой.

Я помню, как мы с товарищами переплывали Днепр. Командиры приказали ставить куски ткани у берега, чтобы враги не смогли проплыть и запутались в них. Сами мы аккуратно поднимали свои сети, проходили, и обратно ставили на места. Для проверки наших работ отправляли разведчиков. Они действительно не могли переплыть реку. Мы защищали нашу страну, в которой мы родились. Эта война забрала у меня родного старшего брата – Садрутдинова Хусаина Садрутдиновича.

Люди, служившие со мной, показывали свое бесстрашие и мужество. Я помню, как мы, 54 человека, были отправлены в бой. Рядом взорвали бомбу и весь мир пропал. Как будто не стало его, не стало моих товарищей и не стало меня. Я лежал под холодной землей, не чувствуя своей души. Кусочки земли заполняли мои дыхательные пути, я думал, что меня похоронили. Я чувствовал это, я чувствовал, что меня нет. Но вдруг кто-то сверху начал копать. Это был пес! Большой и мохнатый. Я радовался, как ребенок. Я чувствовал радость воскрешения.

Этот добрый и верный друг подарил мне жизнь. У него на шее была привязана фляжка, я выпил воды. Мое тело впитывало каждую каплю, но я был бессилён. Я держался за пса, и он тащил меня по дороге. Я намочил рубашку в луже, и пил воду. Только так я выживал.

Я помню, когда мы шли по минному полю и знали, что каждый шаг может быть последним. В этот момент вдруг появилось около семидесяти самолетов в воздухе и начали нас бомбить. Мы были живой мишенью для них. Потом в бой пошла артиллерия. Мы боролись, мы терпели, мы не отступали!

После тяжелого ранения в конце 1944 года мне дали вторую группу инвалидности. Я вернулся домой, работал на ферме, потом был избран депутатом местного самоуправления.

Сакаев Ханафи Тимербаевич

Родился 20 сентября 1925 года в с. Рсаево Илишевского района Республики Башкортостан, ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Вены», «За отвагу».

Я родился в многолетней крестьянской семье, где с детства был приучен к труду. Окончив семилетнюю школу, начал работать: пахал землю, жал зерно на лобогрейке, работал в колхозе на хлебозаготовках. Каждый из моих сверстников, в том числе и я, строили планы на будущее, мечтали получить хорошее образование, профессию, завести семью. Но война перечеркнула все наши мечты.

По-летнему был прекрасен июнь 1941 года. Колхозники были заняты посевными работами. А мы, 15-16-летние подростки, наравне с взрослыми трудились в поле. И вот наступил страшный день – 22 июня. Все население села собрали возле правления колхоза, где инструктор райкома Нургалиев объявил о начале войны.

Мужчин стали забирать на фронт, а в колхозе оставались женщины и дети. Вскоре был призван и мой старший брат Гиниятулла. Мне, 16-летнему юноше, пришлось работать за взрослого мужчину: работать в правлении колхоза, в тракторной бригаде, учетчиком зернотока. Но война длилась долго. Настал и наш черед. В январе 1943 года мне исполнилось 17 лет, и я ушел на фронт.

До сих пор перед глазами стоят образы моих односельчан, с которыми мы вместе отправились бороться с врагом: А. Мирзаянова, З. Хайдарова, М. Кашапова, З. Латыпова, Ф. Сибатова, М. Шаяхметова и др. Многие из них сложили свои головы на полях сражений. До железнодорожной станции Буздяк нас провожал мой отец Тимербай Сакаев. Думал ли он о том, что проводив на фронт уже второго сына, совсем скоро окажется в самом пекле войны и героически погибнет в одном из сражений.

Меня направили в Одесское пехотное военное училище им. Ворошилова, эвакуированное в г. Уральск Казахской ССР. В марте 1943 года я принял присягу в качестве рядового стрелка войсковой части 01986 «Е». Через 6 месяцев после окончания учебных тренировок меня направили в 17-ую гвардейскую воздушно десантную бригаду в г. Ступино Московской области. В августе 1944 г в г. Старые Дороги Могилевской области Белорусской ССР заново сформировали нашу дивизию и переименовали в 106-ую гвардейскую стрелковую дивизию во главе с генерал-майором Виндушевым. А позже она вошла в состав 38-го гвардейского Венского воздушно-десантного корпуса 9-ой гвардейской армии под командованием генерал-полковника Глаголева. Наша гвардия мотострелковой дивизии находилась в составе 355-го полка, командиром которого был подполковник Фирсов.

В 1945 году советские войска постепенно освобождают европейские города. В составе 3-его Украинского фронта под командованием маршала Ф.И. Толбухина наша дивизия участвовала в решающих сражениях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии. В феврале нас перебрасывают в район г. Будапешта.

Было там красивое озеро Балатон. Вскоре вокруг него завязались тяжелые бои. На нас был направлен целый танковый корпус. В одном из боев я взорвал несколько немецких танков, за что меня наградили медалью «За отвагу».

Помню удивительный случай. Шли тяжелые бои за венгерский г. Мор. Идет ожесточенная стрельба, не хватает боеприпасов. И тут к нам на выручку приходит соседний полк. Каким же было мое удивление, когда в одном из пулеметчиков я узнал своего односельчанина Ахметшарифа Мирзаянова, вместе с которым я уходил на фронт. Мы лишь крепко по-братски обнялись и снова вступили в бой.

Но самые решающие бои с фашистами ждали нас еще впереди. Немец, словно раненный зверь, чувствуя свои последние дни, ожесточенно сражался.

Форсировав реку Раба, мы перешли австро-венгерскую границу, и подошли к крупному австрийскому городу Винер-Нойштадт. Город находился в 26 километрах от Вены и прикрывал подступы к столице. В начале апреля наши части, форсировав реку Лейта, внезапным штурмом захватили город. 13 апреля пришла очередь Вены.

38-й гвардейский стрелковый корпус, в составе которого я воевал, в этих сражениях нанес врагу большие потери. Уже после войны в мемуарах военных руководителей я прочитал: «наибольший успех обозначился в полосе наступления 38-го гвардейского стрелкового корпуса». Многие из нас получили боевые награды, а я был награжден орденом Славы III степени.

Дальше мы освобождали Чехословакию, по ее территории за несколько майских дней мы прошагали около 200 км, освобождая по пути города и села. Пришлось форсировать еще одну реку с красивым названием Влтава. На ее правом берегу после встречи с солдатами 5-ой американской армии, уже после получения новости о капитуляции Германии, закончился наш победоносный поход 11 мая 1945 года.

Однако и после этого наш взвод продолжал нести службу в г. Писек, что южнее Праги. В июне 1945 года нас перевели в г. Текель около Будапешта. И лишь в июне 1946 мы вернулись на Родину – в г. Тулу, где наша дивизия получила громкое имя – 106-я Краснознаменная ордена Кутузова 2-ой степени Венская гвардейская воздушно-десантная дивизия.

В родное село я вернулся лишь через три года после окончания войны – в мае 1949 года. Здесь пришлось вновь сражаться с послевоенной разрухой, с острой нехваткой мужских рук. Из моего села на фронт ушло около 500 человек, и лишь 204 воина вернулись с Победой.

Оглядываясь назад, подытоживая свою жизнь, прихожу к выводу, что она прожита не зря. Я с честью выдержал все испытания, начертанные мне судьбой – прошел войну, с честью трудился в мирное время, создал семью, воспитал достойных детей. И всегда старался оставаться настоящим человеком, Человеком с большой буквы.

Таманов Михаил Михайлович

Родился в 25 ноября 1921г в г. Ярославле, ветеран Великой Отечественной войны, танкист, лейтенант, награжден орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями.

Воспоминания о войне

Весной 1941 году я находился на службе в армии в танковой дивизии. Наша часть стояла на реке Припять Львовской области на границе Западной Украины с Польшей. Именно там меня настигла война.

Уже в мае 1941 года мы понимали, что война неизбежна. На противоположном берегу стояли части немцев, которые уже прошли по Европе и оккупировали Польшу. Нам был дан приказ не реагировать на провокации со стороны фрицев. Немцы вели себя очень дерзко. Наши части разделяла довольно узкая часть реки, и было слышно, что они кричали. С их стороны постоянно доносились оскорбления в адрес русского народа: «Русский

дурак» и «Русиш швайн». Вся душа рвалась им ответить, но приказ «не реагировать» мы нарушить не смели, понимая, что им этого только и нужно.

22 июня 1941 года – это самый жуткий день в моей жизни. Как ни ждали мы войны, она началась неожиданно. Парадокс заключался в том, что все мои товарищи по части и командиры понимали, что не сегодня-завтра начнется страшная война, а у нас не было ни одного боевого патрона. Не только у солдат их не имелось, но и командирский состав имел в арсенале только учебные снаряды и патроны.

Наши казармы были построены из тонкой фанеры, в них в два этажа стояли кровати. В ночь с 21 на 22 мы мирно спали, и вдруг раздался страшный грохот. Стены нашей казармы просто рассыпались, как картонный домик. Ничего не понимающие, сонные мы не сразу поняли, в чем дело. Но окончательно проснулись и в панике кинулись кто куда, когда совсем близко взорвался снаряд, выпущенный с другого берега, и разбомбил другую казарму. Началась бомбежка, было такое ощущение, что снаряды рвались везде – дым стоял столбом. Мы в чем спали, в том и побежали – без автоматов, босиком и в нижнем белье. Далеко мы не убежали, нас окружили и поймали. Немцы повели нас раненых и босых через мост.

Некоторые в надежде спастись и убежать от немцев к своим, стали прыгать с моста в реку, среди них был и я. После прыжка немцы стали палить по воде, многих моих товарищей убило, меня ранило, но я остался жить. Немцы не стали прочесывать берег, решив, что всех убили. Я добрался до берега под мостом и там потерял сознание. Меня нашла молодая девушка по имени Настя и ночью перетащила к себе в дом. У нее в погребе она меня перевязала и прятала до тех пор, пока я не поправился и смог отправиться на поиски своих.

Добравшись до наших войск, я попал в танковую дивизию.

Первое время мы постоянно отступали. Немцы в начале войны боевые действия вели по расписанию. К ним в то время очень подходила поговорка «война войной, а обед по расписанию». Ночью они отдыхали, спали, в обед кушали, и у нас было время на передышку.

Зимой 1941 во время сражения в мой танк попал снаряд. Я был тяжело ранен, сильно обгорел и не смог выбраться из танка. Наши отступали, и меня раненого и без сознания подобрала немцы. В это время они были особенно жестоки: и свое расписание им пришлось изменить, и мороз, и неудачная попытка блицкрига.

Очнулся я в каком-то помещении на груде человеческих тел. Сквозь залитые кровью глаза я различил печь и увидел страшную картину, как в эту топку закидывают тела. Как потом оказалось, в это помещение немцы сваливали всех подобранных на поле боя тяжело раненых и убитых. Всех должны были сжечь в этой топке. Я понял, что вскоре в эту топку должно полететь мое тело. Так как я был тяжело ранен, моя голова сильно обгорела, видимо, я действительно, походил на труп. В этот момент мужчина, который бросал тела в печь заметил, что я жив. Этот мужчина оказался русским, попавшим в плен, его заставили сжигать трупы. Он меня оттащил, с божьего благословения я спасся во второй раз, но оказался в плену. Меня перевязали, через какое-то время я пошел на поправку. Когда сняли повязки с головы, я думал, что волосы никогда уже не вырастут. Они начали расти, но были абсолютно белые. В 20 лет я стал полностью седой.

Как только я немного окреп, я сразу стал думать, как мне сбежать. Мне вновь улыбнулась удача. Бежать мне помог тот же человек, который спас меня от горения в топке. Я и еще несколько человек однажды ночью, когда немцы после боя ослабили бдительность, ушли. Мы добрались до своих, нас приняли, и я продолжил воевать уже в пехоте.

После переломного в войне момента, когда наши войска пере-

шли в наступление, для нас важно было отвоевать захваченные фрицами земли. Бои шли и днем и ночью, мы наступали. В этот период пусть медленно, но мы отвоевывали города. Были моменты, когда мы по очереди спали на ходу. Передвигались мы колоннами по четыре человека и договаривались, что сначала спят крайние, затем те, кто в середине. Спать на ходу естественно невозможно, поэтому дабы не упасть, мы брали друг друга под локти и тесно прижимались друг к другу. В эти моменты усталые быстро засыпали, а ноги передвигались по инерции прямо во сне, рядом стоящие придерживали, чтобы спящие не упали. При движении днем, хоть и страшное было время, для поддержания духа и уверенности, что скоро проклятых фрицев мы разгромим, для подъема настроения мы пели песни. Одной из любимых в то время была песня Катюша.

*Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.*

Эти строки вселяли надежду молодым ребятам, мечтавшим вернуться домой к любимым девушкам. К сожалению, мне не довелось исполнить эту мечту.

Победу в этой жуткой войне я встретил в Дрездене. Нам объявили, что кровавая, страшная война, которая унесла жизни моих троих родных братьев, наконец, закончилась. Мы ликовали, радовались, пели и плакали от счастья. Я уже рисовал в своей голове, как вернусь домой к маме, как обниму младших сестру и брата.

Наша дивизия отправилась на эшелоне к границе. На границе мы проходило досмотр, предъявляя коменданту свои документы. Нас разделили на два отряда, тех, кто отправился домой и тех, кто через всю страну поехал на Колыму. Отметка о том, что я был в плену, решила мою судьбу. В родной дом я так и не попал и не

увидел свою маму. Нас посадили в поезд, и мы, как мне тогда казалось, целую вечность ехали в Сибирь на Колыму. Меня определили на вольные поселения. Только в 1954 году мне разрешили выехать с Колымы в Казахстан, а в 1968 году мне разрешили выехать в Россию и я смог посетить родные места.

Фагизов Сахabetдин Фагизович

Родился в 1926 году в с. Тубылгы Тау Новошешминского района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденами Отечественной войны, Красной звезды, юбилейными медалями.

Недолгая, но страшная война

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 15 лет. В семье было пять детей, школу пришлось бросить и идти работать конюхом. В октябре 1943 года меня, вместе с односельчанином Хамисом Гараевым и ребятами из соседней деревни Ленино, отправили учиться в автошколу, располагавшуюся в поселке Измайлово Ульяновской области.

После окончания автошколы, вернувшись домой, я получил повестку на фронт. Так получилось, что, попав на передовую, вступив в свой первый бой, я успел только три раза подвезти боеприпасы. Налетевший фашистский самолет взорвал мою машину, а я получил ранение. Полтора месяца провел в санчасти, после выздоровления я попал в пехоту.

Настоящая война для меня началась на Западной Украине в районе Карпатских гор. Продвигались вперед с постоянными боями. Особенно мне врезалось в память форсирование Вислы. Это очень широкая и глубокая река, артподготовка перед форсированием длилась около 3 часов. В Германии мне довелось форсировать р. Одер. При пересечении границы Одера мы отступали три раза. Конечно, сил у немца была явно меньше, чем в первые годы войны, но все равно, бои были страшные, вспоминать тяжело.

Во время одного из боев взрывная война от снаряда подбросила меня на несколько метров в воздух, я получил тяжелую контузию, потерял возможность слышать. В себя я пришел только в госпитале. Больше 6 месяцев я провел в госпиталях Германии,

в том числе и в г. Дрездене. И Победу встретил я в больничной койке. В сентябре 1945 года по настоянию знакомого мне челнинского офицера Кокина меня демобилизовали и отправили домой в деревню. Дома мне стало намного лучше. В 1947 году я женился на девушке по имени Минжихан. Вместе с женой воспитали 6 детей.

Хазиев Газис Шайахметович

Родился 10 ноября 1921 г. в с. Умай-Утар Дюртюлинского р-на Башкирской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, разведчик, матрос-балтиец, награжден боевыми медалями «За победу над Германией», «За отвагу», «За боевые заслуги».

Родился я в многодетной крестьянской семье. Жили несладко, приходилось много работать. Уже где-то с 8 лет я стал работать наравне со взрослыми: помогал пахарям на поле, ухаживал за лошадьми.

В августе 1940, в возрасте 18 лет, я был призван на военную службу. Служить мне довелось в 103-ем стрелковом полку инженерных войск Красной Армии в г. Каунас Литовской ССР. Не прошло и года, началась война. На тот момент наш полк находился в р-не г. Лейпалангис, располагавшегося вблизи польской границы. Нашей дивизией командовал генерал Карабашев.

Война для меня могла начаться и закончиться в один и тот же день: 22 июня 1941 года я получил тяжелое пулевое ранение

в грудь. Лечиться меня отправили в эвакуированный полевой госпиталь в г. Ивановске.

В 1941 году враг стремительно продвигался по территории СССР, в опасности находилась даже столица. На волоколамском направлении велись оборонительные бои. Именно туда я попал после госпиталя. Но воевать опять пришлось недолго. В одном из боев в октябре 1941 года получил второе тяжелое осколочное ранение в правую лопатку и попал в полевой госпиталь г. Вязьмы Смоленской области.

После недолгого лечения вновь я под Москвой. Меня направили на главное Можайское направление в 5-ю армию Западного фронта под командованием Леонида Александровича Говорова. Бои были жестокие. Еще немного и главная цель Гитлера – захват Москвы – была бы осуществлена. Но, несмотря на лютые морозы, советские воины бились ожесточенно. В одном из сражений под Москвой в январе 1942 года я вновь получил множественное осколочное ранение. И снова больничная койка, и снова лечение.

После очередного госпиталя вместе с другими воинами 42-й краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии 91 артиллерийского полка 5-й армии я участвовал в боях на смоленском направлении. После освобождения Смоленска в сентябре 1943 года мой путь лежал в район Курской дуги. Наша часть вошла в состав Степного фронта (в дальнейшем переименованного во 2-й Украинский фронт). Довелось мне участвовать в освобождении г. Харькова, форсировании реки Днепр и в операции «Багратион».

26 октября 1943 года я получил четвертое тяжелое слепое осколочное ранение ноги и был направлен в 971-й эвакогоспиталь в г. Иркутск, где пробыл на лечении до апреля 1944 года.

После выписки из эвакогоспиталя меня направили в запасной полк, дислоцировавшийся в г. Горький. Не долго мне пришлось находиться в запасе. Вскоре я был направлен в размещенный в 30 км от Финской границы 1-й краснознаменный полк морской пехоты г. Ленинград. В составе полка я встретил известие о Победе.

В запас я был уволен лишь в августе 1946 года в возрасте 24-х лет. Затем по комсомольской путевке был демобилизован в Узбекистан механиком тракторного парка. С 1954 года по 1982 трудился слесарем, механиком механизированной колонны №48 в городе Самарканд. С 1982 по 1999 год пенсионер, проживал в Ульяновской области города Дмитровград. С 1999 по 2008 гг. проживал в Авиастроительном районе г. Казани.

Хамитов Рафик Хакимович

Родился 21 января 1924 года в п. Акбулак Оренбургской области, ветеран Великой Отечественной войны, старшина, механик по электрооборудованию военных самолетов, имеет правительственные награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией».

22 июня 1941 года нам, возвращавшимся с выпускного вечера радостным и веселым юношам, сообщили страшную новость – «Началась война!».

Ровно через год, в июне 1942 года мне, как и многим друзьям, пришла повестка. Но прежде чем отправить меня на фронт, меня направили в авиатехническое училище, располагавшееся в г. Абдулино Чкаловской области. Ездили на аэродромы, изучали устройство самолетов: истребителей ЛАГГ-3 – «рояля», И-153 – «чайки», И-16 – «ишачка», бомбардировщика Пе-2.

В сентябре 1943 года обучение закончилось. В Великой Отечественной войне наступил перелом. Советская армия вела активное наступление на войска фашистской Германии. Началось освобождение многих захваченных агрессором территорий Советского Союза. Нужно было применять как можно скорее на практике полученные навыки. Я был направлен в авиаподразделение, располагавшееся в г. Рязске в Подмосковье.

На аэродроме, спрятавшемся среди густых лесов, базировалось много самолетов, среди которых были бомбардировщики, истребители, штурмовики, самолеты различного назначения. На территории аэродрома находилось несколько больших ангаров, где тоже стояли самолеты, располагались склады, служебные помещения. Постоянно происходили взлеты и посадки боевой техники. Было очень напряженное время.

Периодически немцы, наверняка знавшие о расположении

части, атаковали ее с воздуха. Как-то в ходе очередной бомбардировки неподалеку от меня взорвался снаряд: я был контужен и несколько недель лечился в военном госпитале.

Но было и гораздо хуже. На всю жизнь я запомнил один из трагических дней 1943 года. Стояла осенняя ночь. После очередного полета срочно готовили к вылету на боевое задание тяжелый бомбардировщик ТБ-3. В два огромных бензобака было закачено девять тонн горючего, снарядили полный боекомплект бомб и снарядов. Получив задание, экипаж в составе 9 человек приступил к выполнению боевой операции.

Взревели двигатели. Самолёт вырулил на взлетную полосу, и через некоторое мгновение он тяжело начал подниматься в воздух. Стоял очень громкий, напряженный и нарастающий гул моторов. Вдруг гул неожиданно исчез, самолет внезапно начал терять высоту. Его повело в сторону ангара, в котором находилось 14 новых истребителей. В ночной непроглядной тьме раздался страшный взрыв, и вспыхнуло огромное пламя. Самолет со всей тяжестью рухнул на ангар. Три дня к месту трагедии невозможно было подойти. Полыхало пламя, в воздухе постоянно трещали пули с горящих самолетов, восемь членов экипажа погибли. К счастью, в живых остался штурман, который во время падения находился в хвосте самолета.

Как впоследствии выясняла комиссия, в результате спешки был закрыт кран бензобака. Самолету хватило топлива только на взлет. Всех погибших похоронили в одной братской могиле.

В 1945 году военная служба для меня не закончилась. После окончания войны я был направлен в Читу, а в 1946 году – на Дальний Восток в г. Раздольный., откуда в апреле 1950 года был мобилизован.

Харисов Хафиз Харисович

Родился 30 июня 1926 г. в с. Нижняя Чагодайка Черемшанского района Татарской АССР. Танкист, участник битвы за Кенигсберг, имеет боевые награды: орден «Отечественной войны» II степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Самое главное – жизнь!

Для меня война началась 24 июня 1941 года. В этот день к нам в село приехали военные в кирзовых сапогах. Они собрали все село и объявили о том, что фашистские войска напали на Советский Союз без объявления войны. Я не был потрясен этой новостью, потому что в 15 лет плохо понимал, что это такое и насколько это страшно. Все в селе говорили: «Ну, напал немец, ну и что? Наши русские ребята быстро сломают ему хребет!». Но когда командиры начали забирать всех мужчин от 18 до 50 лет, мне стало страшно.

Отец собирался быстро. Тогда я не знал, что больше никогда не увижу его. Мне было 15 лет, когда я остался за главного мужчину в нашей большой семье. Мама была постоянно в поле. Сестра дома заботилась о маленьких детях, готовила еду. Я и мой братишка Шакир возили сено. Мы были рады своей работе, так как мы могли каждый день видеть маму в поле. Она очень редко приходила домой.

Тосковать по отцу начали спустя месяц. Сестра постоянно плакала. Стоило выйти на улицу, как меня сразу подзывала какая-нибудь старушка, которой нужна была помощь по дому, по хозяйству. Мужчин в селе вообще не осталось.

Всегда хотелось кушать. Все что собирали в поле, уходило на фронт. Самим еды не хватало. Мама из сухих трав делала муку и пекла из нее лепешки. Особенно тяжело было зимой. Мои младшие брат и сестра близнецы. И однажды утром братишка просто

не проснулся. Его близняшка Миннури и сейчас жива, а он не выдержал.... Тогда мы все чувствовали вину перед ним.

Папа писал редко, но и те письма мама нам не читала, чтобы не расстраивать. Ведь папа писал и о том, какую очередную деревню или село захватили враги. Она лишь всегда говорила, что он жив. Мы очень боялись получить похоронку.

Когда мне исполнилось 17, я понял, что готов идти на фронт и с нетерпением ждал, когда вновь приедут командиры за новобранцами. Зимой 1943 года я пришел на сборный пункт сказал, что мне уже 18 и стал проситься на фронт. Я был невысокого роста и очень худой, на меня долго смотрели, но все-таки взяли. Меня распределили в стрелковый полк. При распределении меня записали Харисовым, хотя моя фамилия была Давлетшин. Я плохо говорил по-русски, командир не понял, что это моего отца звали Харис. Так я и стал Харисовым.

В учебке у меня возникли большие проблемы. Я совсем не говорил и не понимал русский язык, мне дали прозвище «Ваня», и вытатуировали мне это имя на руке.

Я очень хотел на фронте встретить отца, но так и не встретил. Но писал домой очень часто, сам помнил, как ждут там вестей с фронта. Из маминого письма я узнал, что в нашем селе установили громкоговоритель и каждый день передавали новости с фронта.

Похоронка на отца пришла вскоре после моего отъезда. Он погиб в Тульской области. В похоронке, было написано, что он скончался в госпитале от полученных в бою ран.

Год я прослужил в 133 полку стрелком. Потом наш полк разделили из-за того, что осталось очень мало человек. Так я попал в танковый полк. Туда отбирали только молодых, так как управлять танком было сложно. Я танков до этого не видел и даже боялся к нему подходить. Но меня никто не спрашивал. Хочешь – не хочешь, а деваться некуда. В танковом полку я встретил своего первого фронтового друга и земляка Рашида. Через полгода он погиб в бою. Мы с однополчанами похоронили его в лесу.

Очень тосковал по дому, часто вспоминал свою семью. Когда мы освободили одну деревню, я так радовался, как будто я помог своей семье. Тогда я получил первую свою медаль и впервые попробовал водку.

Наш полк постоянно перекидывали с места на место. В 1944 г. я вновь оказался в 133-м стрелковом полку. Я служил вместе с украинцами и белорусами, и мы прекрасно общались и понимали друг друга. Наверное, потому что очень хотели победить.

В боях за Кенигсберг я дважды был ранен и весть о победе узнал по радио, лежа на койке в госпитале. Я сначала не поверил, уже начинало казаться, что война эта никогда не кончится. И не верил до тех пор, пока нам не сказали, что всех развезут по родным деревням.

Приехав домой, я застал всех своих родных, правда, у брата Шакира не было одной ноги, но зато он был жив, а это самое главное – жизнь!

Цвей Борис Лейбович

Родился 22 января 1914 года в г. Себеж Великолуцкой области, ветеран Великой Отечественной войны, командир стрелкового полка, награжден боевыми орденами: Красной Звезды и Отечественной войны 1-ой степени.

Удача была на моей стороне

После окончания в 1929 году школы в родном г. Себеже я переехал в Ленинград и поступил в школу фабрично-заводского обучения по профилю «токарь по металлу». Получив 4 разряд, я остался работать на заводе. Но, видимо, профессия токаря не была моим призванием. В 1934 году я поступил на курсы по подготовке в Институт физической культуры и спорта им. П.Ф.Лесгафта. Я показал довольно успешные результаты, и меня зачислили на факультет спортивной гимнастики. При институте действовала военная кафедра. В итоге в 1938 году я получил диплом высококвалифицированного преподавателя-специалиста физической культуры и воинское звание «командир взвода». Вскоре после этого я по направлению института получил должность преподавателя

физического воспитания в Казанском химико-технологическом институте.

В 1939 году в качестве командира взвода мне довелось участвовать в советско-финской войне.

О начале Великой Отечественной войны я узнал 22 июня 1941 года в Казани, где я опять работал преподавателем физической культуры в КХТИ. Приказом по институту №1 я был отправлен в военкомат, где в течение шести месяцев находился в запасной бригаде, именно там формировались батальоны для отправки на фронт. В декабре 1941 года меня назначили командиром взвода пехотного войска 146-ой стрелковой дивизии г. Казани.

Мой боевой путь начался в феврале 1942 года с Тульской области. Уже в марте 1942 год я участвовал в освобождении с. Фомино, будучи командиром взвода автоматчиков 698-го стрелкового полка, находившегося в составе Западного фронта. Нам было поручено прорвать немецкую оборону на Варшавском шоссе и дать возможность выйти из окружения кавалерийской части под командованием генерала Белова.

Мы сражались на Варшавском шоссе целых семь месяцев! Враг не отходил ни на шаг, но и мы не спускали, были начеку! В одном из наступательных боев я получил свое первое ранение. Оно было осколочным. Первый осколок попал в руку, а другой в живот. Меня отбросило на несколько метров, и я потерял сознание. К счастью, на ремне у меня висел запасной диск с патронами от автомата ППШ, который и спас меня от неминуемой смерти. Потом, я помню, санинструктор перевязала мне руку и сказала мне, что весь живот у меня был желтым. Два месяца я находился в армейском полевом госпитале, а затем вернулся в свою часть.

Весна 1942-го года была очень затяжной, распутица сильная, грязь. Наша часть в это время стояла в лесу. Немцы взорвали плотину, и вся вода хлынула в лес, прямо на нас. Отходили мы кое-как. Вода была нам по пояс, а вокруг нас плавал еще лед. Сушились мы после этого еще очень долго над кострами. После такого

плавания у бойцов стали опухать ноги, тело стало покрываться язвами. Очень многие из наших солдат попали в госпитали с обморожением конечностей и воспалением легких.

Война дело страшное. Иногда солдат от смерти спасала чистая случайность, иногда невероятное везение.

В мае 1942-го мы долго сидели в обороне. Разместились в землянках, которые были построены на поле, где рожь не была убрана. И в первую же ночь нас атаковали толпы серых мышей. Мы не знали, как от них спастись. Применяли и химию, но это все равно нас не спасло. Страшная болезнь – туляремия – все-таки стала распространяться. Многие солдаты попали в госпитали. Меня же болезнь не тронула. Мне несказанно повезло!

Еще один случай. Я шел с донесением из штаба нашего полка в штаб дивизии. Внезапно в небе надо мной появился немецкий самолет. Он обнаружил меня и стал обстреливать из крупнокалиберного пулемета. Я бежал от него зигзагами, но потом увидел впереди яму. Недолго думая, я прыгнул в эту яму и затаился. Вражеский самолет, покружив надо мной немного и, наверное, подумав, что я погиб, улетел. Опять повезло!

Но в том крошечном аду войны трудно было уцелеть, в июне 1942 года я вновь получил ранение, на сей раз в ногу. Лежал в полевом госпитале до конца августа. Каждый день делал легкие физические упражнения, благодаря чему нога быстро восстановилась.

Был еще один такой случай поздней осенью 1942 г. Меня отозвали для подготовки лыжного десанта в соседнюю деревню. В один день начался артобстрел. В это время я стоял за шкафом, перевязывал лицо, опухшее от флюса. Недалеко от дома разорвался снаряд. Кровать, стоявшая рядом, в один миг стала вся в рытвинах, а одному из солдат, который хотел выйти из дома, выбило осколком оба глаза. Осколок, пролетев через стену, пробил шкаф, меховой жилет и ранил меня в мягкую ткань ключицы, в результате я вновь целый месяц пролежал в полевом госпитале.

Помню конец 1942-го года. Ночь. Холод пробирается даже до костей. Я в лесу, в шалаше. Развел костер, накрылся шинелью и очень крепко заснул. Когда очнулся, я обнаружил, что костер погас, а полрукава шинели сгорело. Тогда меня спас находчивый солдат, который соорудил мне из моей суконной портянки рукав. Спасибо ему!

В ноябре 1943 года во время боев на Калининском фронте я был ранен в грудную клетку, было задето левое легкое. Незнакомый солдат вынес меня с поля боя. Меня госпитализировали в Вологду. Ранение было тяжелое, пришлось долго лечиться в разных госпиталях городов Бежецка, Ярославля, Вологды. Но мне мое ранение казалось не таким тяжелым. Рядом со мной на соседней койке лежал молодой солдат без рук и без ног. Он все время молчал. И глаза. Они ничего не выражали, пустые, будто стеклянные, а на лице – безразличие, отстраненность от жизни.

В июне 1944 году я вышел из госпиталя с заключением «ограниченно годен» и был направлен на эвакуационный пункт, а затем в госпиталь Вологды методистом по лечебной гимнастике. Там и встретил победу.

9 декабря 1945 года я был уволен в запас приказом Беломорского военного округа в звании старшего лейтенанта административной службы медицинского состава.

После окончания войны я вернулся в Казань и продолжил работу преподавателем физической культуры, затем заведующим кафедрой физического воспитания в стенах родного КХТИ до 1970 года.

Шадрин Дмитрий Никитович

Родился 20 апреля 1922 г. в с. Большое Подберезье Кайбицкого района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, снайпер, разведчик, награжден военными медалями: «За оборону Ленинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги», нагрудным знаком «Отличный снайпер».

Я был отличным снайпером

Сообщение о войне застало меня на колхозном поле, где я сеял зерно на лошадях. Приезжает помощник бригадира и говорит: «Дмитрий, тебе повестка на войну». За вечер я и два моих друга (Чекмарев Михаил и Кувшинов Василий) собрались. И уже утром нас отправили на лошадях в Кулангу, через которую проходит железнодорожная ветка Казань – Свияжск – Ульяновск. Там нас посадили в товарные вагоны и отправили в Казань. Из Казани нас отправили на Украину под Полтаву.

Передовая линия фронта. Немцы были совсем рядом, бой орудий не стихал ни на минуту. Уже в первые дни пребывания под

Полтавой мы попали под страшную бомбежку. Но не суждено было мне там находиться недолго. В один из тех страшных дней пребывания в части, ожидая свою очередь получения обеда, мы услышали крик: «Спасайтесь, кто, как может!». Со стороны реки ехали немецкие танки с крестом. В итоге попали в окружение. Всю ночь по мелкоколесью мы выбирались из танкового окружения. Удача улыбнулась нам. Выбравшись из неминуемого плена, мы через какое-то время попали в военкомат г. Воронежа, где я получил дальнейшие назначения.

Осенью 1942 года мне довелось участвовать в Сталинградской битве. Из г. Дубовки, находившимся в 50 км от Сталинграда, нас перебросили в район г. Серафимовича и распределили по северной стороне города, по населенным пунктам, по домам. Напряжение было сильное, так как немец подходил совсем близко к городу Сталинграду. Мы стойко держали оборону. В одном из боев я получил сквозное ранение в живот и попал в госпиталь на 5 месяцев в г. Серафимовиче.

После излечения я был направлен в Ленинградскую область на передовую, воевал в районе г. Сестрорецка, г. Выборга, р. Вуоксы. К тому моменту я успешно окончил школу снайперов.

Задачи у снайперов непростые. Выходили мы на рассвете, еще затемно, возвращались, когда было уже совсем темно. Вернувшись, заваливались спать до рассвета, до очередной вылазки. Целый световой день мы были замаскированы и вели обстрел немцев, находившихся по ту сторону реки Вуоксы и стрелявших по нам с высоты.

Довелось мне на этом участке фронта поучаствовать и в Выборгско-Петрозаводской наступательной операции летом 1944 года. Необходимо было во время наступления, в которое мы пошли совместно с рядовыми пехоты, отбросить финские войска от Ленинграда и вывести Финляндию из войны. В конце июня 1944 года финские войска были изгнаны нами за р. Вуоксу. Кроме того, мы взяли в плен 60 солдат противника и смогли затем захватить плацдарм на противоположном берегу Вуоксы.

После окончания операции и после подписания 19 сентября 1944 года Московского перемирия между СССР и Финляндией, мой боевой путь был продолжен в Прибалтике. Я был переведён в разведку и участвовал в уничтожении вражеской группировки в районе г. Любава Латвийской республики. Там и встретил победу. В один прекрасный день приходит командир роты со штаба полка и говорит: «Ребята мы победили!» Нас выстроили, и мы отсалютовали День победы всеми своими зарядами.

После окончания Великой Отечественной войны я был направлен в Кострому. Вместе с офицерским полком попал в военный лагерь «Песочное». Я работал там почтальоном. Ездил 12 километров на лошади до города, доставлял почту в полк. Жили мы вместе с капитаном Миронычем из Ярославля. Он был командиром гарнизона. Затем довелось под Москвой на станции Балашиха Бироновского района восстанавливать разрушенные войной дома. И лишь в 1947 году я был демобилизован.

Шафиков Хамит Газизович

Родился 24 марта 1924 г в Бавлинском районе Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, награжден: орденами Отечественной войны I степени, Славы III степени, медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 гг».

Фронтовые будни

Как только началась война, на фронт забрали отца. Я 17-летний парнишка остался за старшего. Нас у матери было восемь детей. В августе 1942 года меня призвали в армию. После обучения, командиром ракетной установки БМ-13 («катюша»), в феврале 1943 года я попал на фронт. Мой боевой путь начался в составе 76 гвардейского минометного полка, который входил в состав 5-й Гвардейской танковой армии резерва Главного верховного командования.

В памяти остались некоторые эпизоды войны. Почему эти? Не знаю.

После первого освобождения города Харькова наш полк находился в районе этого города. Здесь мы воевали недолго. Нас перевели под город Богодухов. Тыловые подразделения остались далеко, и я получил приказ выехать в тыл за необходимым оборудованием. Мне выделили машину дали людей и рано утром мы выехали. Проезжая через Богодухов, мы были удивлены – город зеленый, маленькие трехэтажные дома все почти целые – как будто война обошла этот город стороной. В тыловых подразделениях нас встретили очень хорошо, накормили, все же мы с передовой. После обеда мы отправились обратно на передовую.

Подъезжая к Богодухову, мы ужаснулись. За время, что мы пробыли у тыловиков, от города остались одни развалины. Вместо каменных домов – кучи развороченных кирпичей и обломки

штукатурки там, где стояли кирпичные дома, уцелели лишь каменные печи и трубы. Нам пришлось объезжать город, так как по улицам проехать было невозможно. Проехав несколько километров, мы наткнулись на военных из заградотряда. Я объяснил из какой мы части и показал место ее расположения на карте. Они ответили, что сейчас там находятся немцы. Мы с трудом отыскивали свой 345-й дивизион.

Нам рассказали, что после нашего отъезда, началось наступление немцев. Наши спешно начали отступать, некоторые подразделения чуть не попали в окружение. Командир противотанкового взвода старший лейтенант испугался, сорвал с себя погоны и хотел сдаться в плен. Один из офицеров взвода убил его. На следующий день похоронили старшего лейтенанта вместе рядовыми, погибшими в бою. И обо всех сообщили: «Пал смертью храбрых».

В начале 1944 года наш полк «катыш» вместе с танковым корпусом 5-й Гвардейской танковой Армии перебросили в район г. Корсунь-Шевченковского на правом берегу Днепра. В результате боев наш полк оказался в так называемом коридоре между основными и окруженными частями немецких войск. Мы попали под обстрел немцев: справа атаковали окруженные, стремясь прорваться к своим, слева – основные части, пытаясь их освободить. Нашей главной задачей было – не допустить их соединения. Снарядов осталось мало, и их расходовали экономно, а продукты закончились. Зима выдалась очень слякотная, проехать на машинах было трудно. Машины уходили в тыл за продуктами и не возвращались. Приходилось рассчитывать только на себя.

Солдата всегда выручала смекалка.

Был у нас старший политрук Галаган. До войны он работал председателем колхоза, который был расположен в нейтральной полосе между нашими и немецкими частями. Руководство решило попытаться собрать продукты здесь. Отобрали 15 добровольцев, среди которых оказался и я. Ночью под руководством политрука

Галагана направились в тот колхоз. Нам повезло: около ферм нашли одну корову, на мельнице – немного муки, в одном из амбаров – горох. В эту ночь сходили два раза. Во второй раз принесли вещевые мешки. Из муки испекли хлеб, корову пустили на мясо, из гороха сварили суп. Только потом выяснилось, что горох поражен гороховым жуком (во время варки жуки всплыли на поверхность). Но, как говорится, «голод не тетка», сначала вычерпывали жуков из котелка, а потом стали есть всё вместе. Многие шутили: «Жуки тоже мясо». Настроение несколько улучшилось. В день выдавали по 300 грамм хлеба и одну тарелку горохового супа с мясом.

В ожидании продовольствия, выкручивались, как могли. Так, например, немецкое командование для своих солдат, попавших в окружение, сбрасывало из самолетов продуктов в резиновых бочках. Несколько таких бочек попали к нам. Кроме того среди нас оказался радист из Омской области – заядлый охотник. Он подстрелил косулю. Так мы и дождались из тыла машин с продуктами. Потом нашу часть перебросили в другое место. Опять залпы «катюш». Война продолжалась.

Летом 1944 года наш полк «катюш» с танковым корпусом перебросили на территорию Польши. Нам предстоял переход через границу в Восточную Пруссию.

Проводилась активная подготовка. Политруки вели разъяснительную работу. Каждому солдату, сержанту, офицеру выдали листы, на которых сверху типографской краской было написано «Листок мести». Каждый должен был написать, за что он будет мстить немцам. Я написал, что буду мстить за своего погибшего дядю Талипа Хабибуллина, и контуженного, вернувшимся инвалидом отца Газиза Шафикова.

У каждого были свои счеты с фашистами. Поэтому, когда мы вошли на территорию Германии, были случаи мародерства со стороны наших солдат, убийства местных жителей. Дружил я с командиром танка Т-34 Геннадием Севряковым. Сам он родом

с Украины. Жил в деревне с отцом, матерью, женой и дочкой. Когда деревню заняли немцы, кто-то из предателей сообщил, что Севряков коммунист и сейчас на фронте. Мать и отца сразу расстреляли, а жену с дочерью угнали в Германию, и выжили ли они неизвестно. Как после этого он должен относиться к немцам? И таких были тысячи...

Известие о капитуляции Германии я получил 8 мая 1945 года около города Штеттен. В этот долгожданный день меня направили со штабной машиной за город – помыть машину, а самому написать боевое донесение в штаб армии о боевых делах полка за прошедший день.

Тихо. Солнечно. Вдруг вижу, кто-то бежит к нам, ну думаю, что-то случилось. А это бежит дежурный по штабу полка и издали кричит: «Шафиков! Что ты там сидишь со своими бумагами.... Война кончилась! Ура!!» я так долго ждал этих слов. А когда услышал, во мне что-то отключилось: не могу ни говорить, ни соображать, ни двигаться. Прибежал Володя Анимов обнял меня и говорит: «Ты что остолбенел? Не рад, что ли?» Он вынул пистолет и начал стрелять в воздух. Тут я очнулся, вскочил и тоже начал стрелять в воздух. Война кончилась.

Яковлев Иван Никифорович

Родился в 1910 году в д. Михайловка Арского района Татарской АССР. Ушел на фронт в июле 1941 г., сапер, командир отделения саперного батальона. Участвовал в Московском сражении, Ржевской операции, освобождал Украину. Награжден орденами Красной Звезды и Славы III степени, медалью «За отвагу». Погиб при освобождении г.Кременец на Украине.

Один из 18 тысяч...

В годы Великой Отечественной войны из Арского района Татарстана на фронт ушли около 35 тысяч человек, из них почти 18 тысяч – погибли. В семьях о своих героях, к сожалению, знают немного. И все же восстановить картину боевого пути в ряде случаев возможно. Так, по крупницам мы попытались воссоздать боевую биографию Ивана Никифоровича Яковлева.

Когда началась война, он был зрелым человеком, был женат, имел детей, работал в колхозе. Если говорить о его жизни, то война четко поделила ее на две части. До войны – обычная мирная жизнь,

тяжелый труд колхозника, небогатый дом, домашние радости, рождение детей – все как у всех. Война – это отдельный период, новая жизнь, наполненная тяжелым солдатским трудом, каждодневными подвигами, испытаниями. Война сделала из обычного деревенского жителя – отважного воина, героя, командира.

18 июля 1941 года Иван Никифорович был призван Арским РВК и зачислен рядовым 474 отдельного саперного батальона 350 стрелковой дивизии, которая формировалась в Приволжском военном округе. В ноябре того же года дивизия была передислоцирована под Москву, где в это время велись ожесточенные бои.

Иван Яковлев принял боевое крещение 1 декабря 1941 года в контрнаступлении на врага в Воловском районе Липецкой области.

В январе 1942 г. дивизия вошла в состав Западного фронта и вела ожесточенные бои под Ржевом. Ржевско-Вяземская операция 1942 г. – одна из самых кровавых битв Великой Отечественной Войны.

В августе 1942 года дивизия попала в окружение, с большими потерями прорывались к своим, вели бои с противником, практически все погибли.

Остатки дивизии были направлены в резерв и на пополнение в сентябре 1942 г. в Тамбовскую область, а 14 ноября 350 с.д. вступает в бои под Воронежем, занимает позиции на левом берегу Дона напротив села Дерезовки.

Утром 12 декабря один из батальонов дивизии по льду переправился через Дон, захватив небольшой плацдарм, а 16-17 декабря туда переправились основные силы дивизии, освобождая оккупированные территории. В этих боях Иван Яковлев впервые отмечен правительственной наградой.

Скупые строки документов свидетельствуют, что красноармеец И.Яковлев *«неоднократно ходил в разведку заграждений и тыла противника, отличаясь всегда смелостью, находчивостью и показывал честное выполнение приказов. В боях за дер.Дерезовка*

16.12.42 г. тов.Яковлев повершил два подвига. На расстоянии 50 метров от огневых точек противника под огнем воздействием произвел разведку льда на р.Дон, самого профиля реки на всю ее ширину, обеспечив получение данных для устройства переправы танков и артиллерии. Второй раз проник на 300 метров в глубину обороны противника, разведал пути проходов, установил характер местности и заграждений у противника. Несмотря на интенсивный огонь со стороны противника, умело маскируясь с группой разведчиков вернулся обратно. За проявленную смелость, отвагу и находчивость при выполнении приказов командования достоин правительственной награды медали «За отвагу».

Позже Иван Яковлев был назначен командиром отделения саперов, ему присвоили звание сержанта, он стал кандидатом в члены ВКП(б).

В феврале-марте 1943 года 350-ая дивизия принимает участие в Ворошиловградской наступательной операции, отражает контрнаступление врага под Харьковом, снова попадает в окружение, с тяжелыми потерями малыми группами выходит к своим. В апреле-июле дивизия выведена в резерв, ее пополнили новые воины, техника, а в сентябре 1943 г. она участвует в Донбасской наступательной операции.

Иван Яковлев – командир отделения 414 отдельного саперного батальона, опытный воин, коммунист, которому по силам самая сложная задача. Мы обращаемся вновь к документальным свидетельствам его героической биографии.

«При постройке н.п. к-ра 1178 с.п. 27.08.43 г. сержанту Яковлеву Ивану Никифоровичу с отделением было приказано отрыть котлован к 12.00, несмотря на непрерывный обстрел места, отделение не прекращало работы и выполнило своевременно. 30.08.43 г. по приказу к-ра 1178 с.п. сержанту Яковлеву с отделением в количестве 4-х человек было приказано протянуть проводочные заграждения впереди боевых подразделений нашей пехоты, по фронту 300 метров в условиях леса, темноты и обстрела против-

ником переднего края из пулеметов и автоматов. Сержант Яковлев проявил мужество, отвагу и инициативу, рискуя своей жизнью, увлекая бойцов своего отделения, несмотря на опасность и трудности в работе приказание было выполнено с честью. Сержант Яковлев достоин правительственной награды ордена «Красной Звезды».

В сентябре 1943 года дивизия освобождает г. Павлоград и после короткого пребывания в резерве ее включают в состав 1-го Украинского фронта, она участвует в Житомирско-Бердичевской операции, ставшей частью стратегического наступления советских войск на правобережной Украине.

В ходе операции по освобождению г. Житомира 31 декабря 1943 года саперам сержанта Яковлева было дано задание обеспечить переправу через реку Каменку.

«Ночью 31 декабря 1943 г. отделению сержанта Яковлева было дано задание незаметно перейти на юго-западную окраину г. Житомира и обследовать мост через р. Каменка. При обследовании оказалось, что мост взорван, а брод заминирован и обстреливается противником оружием-пулеметным огнем. Сержант Яковлев разминировал оба берега, после чего по колена в ледяной воде обследовал дно брода, где снял обнаруженные противотанковые мины. Так отважный сержант Яковлев выполнил отлично поставленную задачу. Достоин правительственной награды – ордена Славы III степени».

В марте 1944 года в составе 102-го стрелкового корпуса 350-ая стрелковая Житомирская дивизия участвует в Проскуровско-Черновицкой операции, в ходе которой были разгромлены основные силы немецкой группы армии «Юг», освобождена значительная часть правобережной Украины, Красная Армия вышла к предгорьям Карпат.

С 4 по 31 марта 1944 года в этой операции было истреблено 183 310 вражеских солдат, 24 950 – взято в плен.

Это была последняя военная операция И.Н.Яковлева. За всю

войну он ни разу не был ранен, не был контужен. Он был сапером, а саперы ошибаются только один раз...

К сожалению, мы практически ничего не знаем об обстоятельствах гибели героя, его судьба отражена в судьбе его героической дивизии, ее саперного батальона, который всегда шел на самом переднем крае.

19 марта 1944 г. был освобожден г. Кременец Тернопольской области Украины. Из сообщения Советского информбюро: *«Войска 1-го Украинского фронта в результате обходного маневра и атаки с фронта 19 марта овладели городом Кременец – мощной естественной крепостью на хребте Кременецких гор, усиленной немцами развитой сетью искусственных оборонительных сооружений, а также с боями заняли более 40 других населенных пунктов».*

Иван Яковлев погиб, освобождая Кременец, 19 марта 1944 г. возле деревни Куликово, что стоит на правом берегу р. Иква. Похоронен там же, в Куликово. В начале 1980-х годов останки советских воинов перезахоронили на мемориальном кладбище г. Кременец.

19 марта каждого послевоенного года небольшой городок Кременец отмечает День освобождения. Жители приходят к мемориальному комплексу, где захоронено более 300 советских воинов-освободителей. Среди них – Иван Никифорович Яковлев.

Яфасов Анвар Мусаевич

Родился 1 сентября 1918 года в с. Сайман Барышского района Ульяновской области, командир автороты, лейтенант, ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной Войны II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина».

Я из многодетной семьи крестьян-середняков. Отец Муса и мать Хадича воспитывали десять детей, я был девятым ребенком в семье.

В 1926 году я пошёл в сельскую школу в первый класс. Однако доучиться в начальной школе не удалось, в 1929 году семья была раскулачена (впоследствии реабилитирована в 1985 году) и отправлена в город Ташкент Узбекской ССР. Ехали в товарных вагонах, через всю Россию и Казахстан почти 2 месяца. В пути многие болели, моей семье повезло, мы приехали в Ташкент без потерь.

Отец и старшие братья пошли работать, а я пошел учиться в школу. В 1935 году я окончил 7 классов и стал рабочим на заводе Ташсельмаш. Но тяга к знаниям не пропала.

В 1937 году со своим товарищем Саней мы поехали в город Саратов и поступили в Саратовское авиационное училище по подготовке младшего офицерского состава. Однако, проучившись в училище один год, меня отчислили по причине «неблагонадежного» социального положения родителей. Но, несмотря на мою «неблагонадежность», в 1938 году меня призвали в армию. Служил я в Молдавии вплоть до 1941 года.

О нападении Германии на СССР я узнал в г. Кишинёве, и именно там, на границе с Румынией, для меня началась война. Воевал я все четыре года Великой Отечественной, начинал войну рядовым, далее был командиром отделения, командиром взвода, командиром роты. Служил в автомобильных войсках, командиром автороты, имел звание гвардии лейтенант.

Участвовал в боевых действиях под Москвой, в великой битве под Курской Дугой в 1943 году.

Дважды был ранен, одно ранение было в ногу, второе в легкое, в районе Курска был контужен. После контузии медицинскими работниками был доставлен в морг, где пролежал почти сутки. Помню, очнулся, правой рукой достаю правую стенку, выше головы так же ощущаю стенку, ногами так же чувствую стенку. Первое впечатление, что зарыт в могилу. Из-за безысходности своего положения сильно закричал, на крик прибежала молоденькая медсестра. Поняли, что я жив, и перенесли в госпиталь, где пролечился около 2-х месяцев.

После госпиталя участвовал в освобождении гг. Варшавы, Софии, дошёл до Берлина в мае 1945 года.

После ВОВ проходил службу в Румынии в населённом пункте Серет. В конце 1947 года демобилизовался и вернулся в город Ташкент. В 1948 году женился на Акчуриной Никяр Ибрагимовне из знаменитой семьи Акчуриных, так же раскулаченной и отправленной в город Ташкент.

Оглавление

Вступительное слово Р.К. Низамова	3
Вступительное слово С.И. Никоновой	5
Вступительное слово С.А. Ахтямова	7
Абдуллин Фасыл Абдуллович	9
Агеев Геннадий Михайлович	15
Арсланов Халил Махмутович	18
Ахметшина Амина Ахметхановна	24
Бородин Петр Николаевич	27
Быков Геннадий Александрович	31
Вахитов Мухамет Хайрутдинович	33
Даутов Валентин Михайлович	37
Дейнега Михаил Андреевич	46
Дубровин Василий Алексеевич	50
Ераполов Константин Федорович	53
Зарипов Халим Зарипович	61
Ильин Евгений Петрович	64
Кабанов Александр Васильевич	72
Камакаев Нази Гагауллович	76
Касимов Миргасим Абелкасимович	78
Колесников Николай Андреевич	81
Маннанов Юнус Музагарович	85
Марданшин Музагит Гадельшинович	89
Матюшкин Петр Ефимович	94
Роткин Аверьян Никитович	101
Садрутдинов Халаяетдин Садрутдинович	104
Сакаев Ханафи Тимербаевич	106
Таманов Михаил Михайлович	110
Фагизов Сахabetдин Фагизович	115
Хазиев Газис Шайахметович	117
Хамитов Рафик Хакимович	120
Харисов Хафиз Харисович	122
Цвей Борис Лейбович	125
Шадрин Дмитрий Никитович	129
Шафиков Хамит Газизович	132
Яковлев Иван Никифорович	136
Яфасов Анвар Мусаевич	141